

Танцующий бог

Автор:

[Иар Эльтеррус](#)

Танцующий бог

Иар Эльтеррус

Канатоходец #1

Тысячи лет отсутствовал дома Канатоходец, которого глупцы называли богом бездомных талантов и таборов пестрых, после того, как спас родной мир от гибели. Ему это дорого обошлось, через многое пришлось пройти, чтобы вернуться. Но и дома оказалось далеко не все в порядке. Утеряны знания. Чародеи стали шарлатанами. Певцов, сказителей и музыкантов преследуют. Люди закоснели в невежестве и пороках. Однако идущий над бездной по канату сдаваться не приучен.

А значит инициированному блудным богом молодому чародею предстоит пройти по всему известному миру в поисках утерянных древних знаний и артефактов. Не жалея себя. И в конце пути его встретит достойная награда – величественный замок Наэрта, обитель древних чародеев, распахнувшая ворота перед своим новым повелителем.

Книга пишется по миру моей жены, Мартиэль, и с ее помощью.

По звенящей струне над землей и богами,

Изумляя созвездий сияющий взор,

Небеса измеряя босыми ногами,

Нет, не шел – танцевал необычный жонглер.

И смотрели насмешливо братья и сестры:

Мол, в семье Всемогущих завелся чудака, –

Бог бездомных талантов и таборов пестрых,

Искрометное солнце шутов и бродяг.

Мартиэль

Иар Эльтеррус

Танцующий бог

Книга пишется по миру, созданному моей женой, Мартиэль, и с ее помощью.

По звенящей струне над землей и богами,

Изумляя созвездий сияющий взор,

Небеса измеряя босыми ногами,

Нет, не шел – танцевал необычный жонглер.

И смотрели насмешливо братья и сестры:

Мол, в семье Всемогущих завелся чудака,

Бог бездомных талантов и таборов пестрых,

Искрометное солнце шутов и бродяг.

Мчатся звезды под ногой

В синь вселенского колодца.

Благолепие богов

Ни к чему Канатоходцу.

Шут, поэт, игрок –

Ненормальный бог.

Он – невидимый дух балаганных веселий,

Шумный праздник арены – его торжество.

У актера в глазах и в груди менестреля

Не остынет волшебное пламя его.

И звенит, не смолкая, безумное скерцо,

Где скользит по струне удивительный бог.

Капли крови его беспокойного сердца –

Чародеи подмостков и дети дорог.

Неохота падать вниз,

Если к звездам был так близко:

Каждый шаг – для жизни риск,

Только жизнь – не жизнь без риска.

Эй, жонглер, держись, –

Это наша жизнь!

Самоцветы сердец рассыпая, – не жалко, –

Учат петь и мечтать этот будничный мир

Стихотворец и мим, музыкант и гадалка,

Акробат, танцовщица, певец и факир.

Звездным блеском их душ зачарованный зритель

То кидается в смех, то в безудержный плач.

Это между сердцами натянуты нити,
По которым танцует Небесный Циркач.

Покидает души страх,
Таает злоба, боль уходит.

Начинается Игра:

С нами Бог-Канатоходец!

Шут, поэт, игрок –

Ненормальный бог!

(Мартиэль)

Пролог

Последняя завеса преодолевалась почему-то очень тяжело, словно поставленный неведомо кем ради какой-то своей цели рубеж. Она искрилась крохотными огоньками, ускользала, сворачивалась в небольшие вихри, меняющиеся друг с другом местами с дикой скоростью, стараясь не пропустить блудного принципа Разума, с очень большой неохотой поддаваясь давлению. Возникло даже подозрение, что эту завесу установили специально для того, чтобы не дать ему вернуться – именно ему, никому иному. Так это или нет он не знал, но на всякий случай насторожился.

Еще один, последний рывок – и завеса преодолена. В глаза брызнуло солнечным светом, и Танан едва заметно улыбнулся. Наконец-то дома! Как же долго он отсутствовал, как соскучился по Дэлоуэ! Впрочем, неизвестно как сейчас называют этот мир, каждая раса придумывала ему свое название и считала единственно верным. Однако для самого принципа Разума именно это название, Дэлоуэ, было родным и привычным.

Интересно, сколько времени здесь прошло? Ведь время – вещь весьма относительная. Каким стал мир? Удалось ли его собратьям сделать то, что должны были? Приблизился ли мир к Переходу, о котором они так мечтали?

Трудно сказать, надо вначале поглядеть, что здесь и как.

Где-то в неведомой дали изменилась картина мира, и в ней медленно проявился образ канатоходца в сине-черно-серебряном трико, идущего по почти невидимому канату, натянутому между звезд. Он жонглировал пылающими сферами и радостно смеялся. Никто из принципов и соответствий, которых жители мира по невежественности считали богами, не заметил пришельца, они занимались своими делами и не имели времени на то, что полагали неважным. А обычные люди и нелюди тем более ничего не поняли. Только внезапно в разбросанных по миру четырех великих книгах полыхнули огнем несколько строк, однако этого никто не заметил, поскольку книги были запечатаны заклятием, сплетенным в незапамятные времена. Их нынешние владельцы давно не пытались открыть древние фолианты, полагая, что это невозможно. А если кто-то и пытался, то безрезультатно. Даже немногочисленным чародеям это не удавалось, что уж тут говорить об остальных. Но энергетическая картина мира изменилась, и изменилась очень сильно. Наступила новая эпоха, однако этого опять же никто не заметил.

Танан остался развоплощенным, воплощаться ему пока было рано, требовалось вначале понять, что вообще происходит, какие принципы и соответствия задействованы, а какие – нет. Какие бодрствуют, а какие спят. Он незаметной тенью скользнул на орбиту Дэлоуэ и всмотрелся в медленно вращающуюся под ним планету. Увиденное сразу насторожило Канатоходца, в общем узоре появилось что-то чуждое, чего не должно было быть. С другой стороны, это нечто казалось знакомым. Но почему? Где принцип Разума мог с ним сталкиваться? Самое неприятное, что это чуждое оказалось настолько вплетено в сущность мира, что убрать его оттуда стало почти невозможно, не разрушив сам мир. Что же здесь произошло? Как такое могло случиться? Куда смотрели его собратья? Танан продолжал растерянно изучать узор и ничего не понимал. Нет, с этим нужно разобраться подробно. И Канатоходец начал последовательно изучать слои узора и их взаимосвязи.

«Так, это понятно, это люди, хотя тоже выглядят не так, как должно. Видимо, понавыдумывали себе всякой чуши и считают ее истиной. Но ладно люди, а это еще что такое? Это откуда взялось?! И не одно! Нет, мои дорогие собратья, похоже, совсем обленились. Баклуши, что ли, все время моего отсутствия били? Или что? О, а вот еще кое-что интересное. В резонанс со мной входит, словно мое, но я его не делал! Что за чушь? Как такое вообще возможно? Похоже, дела в мире невеселые...»

Танан внимательно вгляделся в непонятную энергию, входящую в резонанс с ним. Да, его след в ней ощущается, но рядом с ним еще что-то, и что-то смутно знакомое. Канатоходец принялся лихорадочно вспоминать. И, наконец, вспомнил, придя в ужас. Второй составляющей была энергия Падальщика! Врага! Но как она могла оказаться смешанной с его собственной энергией?!

В этот момент до Канатоходца дошло, и он задохнулся бы от злости на себя, если бы имел сейчас тело. Да уж, снова сработала старая истина: хотели как лучше, а получилось, как всегда. Во время сражения с тварью Танан, уводя ее за пределы мира, сбросил слишком много энергии. И не ждал, что Падальщик сделает то же самое. А он сделал! И их энергии смешались, создав что-то непонятное. Хотя как смогли смешаться и стать единым целым столь разнородные энергии Танан не понимал. Ладно, он ушел из Дэлоуэ, уведя за собой Падальщика, добился своей цели. Но почему его собратья не обратили внимания на то, что энергия принципа Разума изменилась? Почему не очистили ее, ведь это было вполне в их силах? Да, теперь увиденное в узоре стало относительно ясным. Еще и не то могло произойти.

Что ж, с энергетическими изменениями относительно ясно, теперь нужно выяснить, как они повлияли на материальный план. А после этого постараться хоть как-то улучшить ситуацию. Для этого, похоже, придется завести аватара. Не сразу, конечно, сначала нужно решить, что вообще делать, окончательно разобравшись в ситуации.

Больше всего Танану не понравилось, что люди все больше и больше склонялись к своей животной составляющей, забывая о высших порывах души. Переставали стремиться к знаниям, хотели только грубых удовольствий – есть, пить и совокупляться. Неужели некому показать им небо, показать, что они умеют летать? Некому объяснить, что есть еще очень многое, кроме того, что можно потрогать руками? Некому заставить задуматься?

Кто способен на это? Только поэты, сказители, музыканты. Как с ними обстоит дело в Дэлоуэ? Канатоходец всмотрелся в мир, ища людей с горящими душами. И почти не нашел их. Редкие придворные менестрели прославляли владык. Поэты, которых оказалось еще меньше, писали оды в чью-то там честь, причем писали неискренне. А малочисленные бродячие труппы, осмеливавшиеся ставить спектакли не о славных битвах, а чем-то другом, голодали и распадались. Странно, но никто из принципов их не поддерживал. Некому, что ли? Странно. Значит, этим придется заняться ему.

Что ж, первичный план действий определен. Вперед по канату без страховки.

И будь что будет!

Глава 1

Устало вздохнув, Майт вытер пот со лба – жара в этом году выдалась страшная. К счастью, город уже виднелся вдалеке, скоро менестрель сможет отдохнуть и выпить кружку-другую холодного эля в трактире. Впрочем, назвать Теймар городом было бы слишком смело – так, городишко. Это барон Хайседский требовал называть свое владение городом, но его требования выполняли разве что местные жители, да и то, чтобы не ссориться с владельцем, не отличавшимся кротостью нрава.

Миновав распахнутые и явно много лет не закрывавшиеся ворота, у которых скучал стражник в ржавой, едва не рассыпающейся кольчуге, Майт двинулся к ближайшему трактиру, предвкушая праздник желудка – деньги у него имелись, зрители оказались щедрыми к сказителю, даже одна серебряная монета перепала. Вокруг смотреть не хотелось, уж больно Теймар был неприятен на вид. Прямо в заполненных грязью лужах валялись свиньи, и эти лужи приходилось обходить, одновременно посматривая, чтобы не напороться на всадника. Лошадей ведь имели только богатые люди, а им столкнуть бедняка в лужу – раз плюнуть, некоторые вообще так развлекались.

Трактир имел смешное название «Два хвоста». Чьих хвоста никто не знал, даже хозяин в ответ на вопросы только разводил руками. Майт уже бывал здесь и ценил трактир за вкусную стряпню и отличный эль. Да и цены были вполне приемлемыми. Тумар, как звали хозяина, к тому же позволял менестрелям выступать вечерами, не беря с выступающих пять медяков, как другие. Мог даже кружкой эля бесплатно угостить, если песня или сказание нравились.

Толкнув дверь, Майт вошел внутрь и облегченно вздохнул – в трактире было прохладно, видимо, Тумар нанял чародея, чтобы справиться с жарой. Или купил амулет из Города Мастеров, по слухам, там продавали охлаждающие пирамидки, поставишь такую в укромном месте, каплей крови активировешь – и в самую жару

дома прохладно.

Окинув взглядом столики, менестрель удовлетворенно улыбнулся – свободных мест хватает, это вечером здесь ступить некуда. За дальним столом с аппетитом поедал жаркое человек средних лет, у ног которого лежал футляр с лютней. Поняв, что видит перед собой коллегу, Майт подсадовал про себя – он-то надеялся выступить здесь и немного подзаработать, но кто-то опередил. Ну, что поделывать, в среде менестрелей считали, что кто первым пришел, того и сцена.

– Майт! – помахал незнакомец. – Рад тебя видеть! Иди сюда.

Присмотревшись, он узнал махавшего – встречались несколько раз. Ирралиан! Бывший придворный менестрель герцога Лэра.

– Привет, дружище! – Майт сел напротив и пожал протянутую руку. – Как дела?

– Ты знаешь, в последнее время на удивление хорошо, – улыбнулся Ирралиан. – Зрители щедры, пару раз выступал в замках мелких владетелей. В обиде не оставили. Однажды даже целых десять серебряных заплатили.

– Завидую... – Майт удивленно покачал головой, ему ни разу так не везло. – Хотя у меня, в общем, тоже неплохо. Хочу вот свой театр собрать – одному трудновато.

– Благодарю нашего покровителя! И проси о помощи. Если захочет – будет у тебя театр.

– Какого еще покровителя? – изумился сказитель.

– А ты сам разве не ощущаешь, что у нас, менестрелей, покровитель появился? Могущественный покровитель! Вспомни, как еще пятнадцать лет назад к нам относились. Чуть ли не собаками травили! А теперь? Совсем другое дело.

Немного подумав, Майт вынужден был согласиться с коллегой. Действительно, еще лет десять назад вот так запросто прийти в город и выступить было невозможно, могли вышвырнуть пинками, а то и избить, отобрав последние деньги. А уж если поэт или певец исполнял что-то неугодное местному

владельцу, то беднягу могли даже казнить – бывали случаи. Однако потом что-то изменилось, и с человеком, поднявшим руку на менестреля или сказителя, начали происходить разные смешные конфузы. Он мог на ровном месте поскользнуться и упасть так, что лопались штаны, выставляя на всеобщее обозрение голую задницу. Или свалиться в лужу. Или покатиться кувырком. Но обязательно так, что над ним потешались все вокруг.

Майту вспомнился забавный случай в городишке Нокваль, и он не сдержал смешка. Ноквальскому бургомистру не понравилось выступление, и он послал трех стражников с приказом наложить на шею сказителю и вышвырнуть из города. Стражники попытались сделать это, но не смогли – один каким-то образом оказался в свином загоне, где его «нежно» облобызал огромный кабан, столкнув при этом в лужу жидкого навоза. Второй, поскользнувшись, сел на край повозки, на второй край которой в этот момент рухнул с третьего этажа тяжелый мешок. И стражнику, размахивающему руками и ногами, и оглашающему пространство нечленораздельными воплями, пришлось учиться летать. Третий вообще каким-то образом свалился в выгребную яму, откуда его долго общими усилиями доставали.

И ведь подобное случалось почти каждый раз, когда кто-то хотел причинить вред актеру, менестрелю, шуту или сказителю. Выходит, Иралиан прав, и у них в самом деле появился некий покровитель, обладающий загадочной силой. Но тогда почему он вступается не всегда? Видимо, сказитель, сам не заметив, задал этот вопрос вслух, поскольку Иралиан на него ответил:

– А покровитель защищает только талантливых, на бездарей он силу не тратит.

– Думаешь? – удивленно посмотрел на него Майт.

– Знаю. Видел не раз, как бездарей безнаказанно пинали. Но если кто-то пытался обидеть талантливого человека, то с обидчиком тут же что-то случалось. Не опасное для жизни, но позорное. У Канатоходца хорошее чувство юмора.

– У кого?! – подался вперед сказитель. – Какого еще канатоходца?!

– Нашего покровителя, – усмехнулся менестрель. – Я его видел. Мне же по приказу лэрского герцога сухожилия на руках подрезали и выкинули из замка! Если бы Канатоходец не помог...

- Расскажи! - загорелись глаза Майта.

- А что тут рассказывать? - устало вздохнул Иралиан, видимо, ему не слишком хотелось вспоминать о случившемся. - Думал, конец мне пришел. Меня же на улицу выбросили в чем был, да еще и с искалеченными руками.

- А что ж ты такое спел, что герцог вот так?..

- Он, паскуда, женился в очередной раз, и я спел прямо на свадьбе, перед гостями и невестой, о том, как герцог заморил одну за другой пять предыдущих жен. Ну, он и взбеленился...

- Ну ты даешь... - восторженно протянул Майт. - Я б не рискнул...

- Да достало меня эту тварь восхвалять... - скривился Иралиан. - Терпение лопнуло, вот и спел правду. Плюнул на все. Ну и получил... Палач герцогский хорошо постарался, сволочь, так сухожилия подрезал, что работать я мог, а вот играть - нет...

Он немного помолчал и продолжил:

- Брел куда глаза глядят, думал, скоро свалюсь в канаву и там подохну. Но ничего, выжил, доплелся до большой фермы, там в батраки нанялся. Руки зажили, но тошно было до невозможности - играть ведь не мог, хоть лютню мне и отдали, когда из дворца после наказания вывели. В голове музыка звучит, а пытаюсь ее сыграть - и не могу. Год как-то продержался, а потом понял, что дальше так жить не могу. Ну и пошел на речку топиться. Зимой, между прочим...

- И?.. - подался вперед Майт.

- Ну и явился мне Канатоходец... - неохотно пробурчал Иралиан. - И так меня обсмеял, что я не знал, куда со стыда деваться. До сих помню... «А водичка-то мокрая, холодная... Куда ж ты, болезный, лезть собрался? Ты ж в эту крохотную лунку не пролезешь...» Я его тогда убить готов был, гада. Кинулся, не сразу сообразив, что его там и нет, а так, видение, что ли. Пропахал носом лед. А он стоит и издевается! Твое, говорит, оружие - слово, а не кулаки, менестрель. Я ему в ответ: да какой из меня менестрель с такими-то руками?! А он: что

за проблема? Посмотрел на меня – и боль из рук ушла. Я только рот разинул. Пока руки ощупывал, он исчез бесследно. Я на ферму вернулся, за лютню – могу играть, еще лучше, чем прежде. Чудо!

– Точно, чудо... – согласился Майт. – Может, это чародей был?

– А ты слыхал про чародеев, что такое могут? Я не слыхал. Так он мне потом еще и во сне являлся. Видел его на канате над бездной. В сине-черно-серебряном трико и колпаке с бубенцами. То ли циркач, то ли шут, то ли еще кто. Обернулся ко мне с каната и говорит, чтобы я пел, душой пел, правду людям говорил, в небо их звал. Еще сказал, что истинному артисту теперь нечего бояться, никто его больше не тронет, не посмеет. Я тогда не поверил. А позже сам не раз видел, как нечто невидимое наказывает поднявших на меня или других менестрелей руку.

– Я тоже такое видел, – задумчиво покивал сказитель. – Говоришь, Канатоходец? Спасибо ему за защиту и помощь!

– А не за что, ребята! – возле их столика возник из ниоткуда шут в сине-черно-серебряном трико и разноцветном колпаке с бубенцами. – Вы, главное, собой оставайтесь. Себя не предавайте!

Он подмигнул озорным глазом и растворился в воздухе. Ошарашенные Майт с Иралианом принялись оглядываться, но быстро поняли, что никто, кроме них, шута не видел.

– Это он был?.. – едва слышно спросил Майт дрожащим голосом.

– Ага... – глаза Иралиона сияли. – Он. Наш покровитель...

– Повезло нам, выходит.

– Это еще вилами по воде писано, повезло или нет. Он защищает, но и требует многого.

– Оставаться собой? Разве ж это много?

– Ты, по молодости, еще не понимаешь, как много... – грустно улыбнулся Иралиан. – Ничего, позже поймешь.

– А...

Майт не договорил. В трактир влетел расхристанный белокурый парнишка и с порога возбужденно заорал:

– Наш учитель с чародеями из пришлого балагана схлестнулся! Щас на площади поединок будет! Чародейский!!!

Посетители загудели, переглядываясь, и один за другим потянулись прочь из трактира. Видимо, предстоящее зрелище было редким, и всем хотелось поглазеть на него. Майт с Иралионом тоже подхватились на ноги, быстро допили свой эль и поспешили на площадь – взглянуть на чародейский поединок хотелось и им, такие поединки случались редко.

Народ на площади сбился вокруг помоста, с которого обычно объявляли приказы барона. Менестрели все же сумели пробраться в передние ряды, хотя это оказалось и непросто. На помосте стояли двое – молодой парень с простецким лицом и слегка вьющимися темными волосами, а напротив него тоже темноволосый мужчина средних лет с небольшой ухоженной бородкой, полноватый, увешанный золотыми побрякушками с ног до головы, одетый в чародейскую мантию. Он выглядел южной птицей Рат[1 - Птица Рат – помесь попугая с павлином. Очень криклива, имеет яркое, многоцветное оперение. По поверью считается символом роскоши. (Прим. автора).], которую изредка привозили купцы на потеху богатым.

Майт с интересом разглядывал чародеев. Странно, парнишка сказал, что один из них местный учитель. Но как такое может быть? Разве чародеи занимаются чем-то, кроме своего Искусства? Насколько знал сказитель – нет. Он подумал и спросил об этом у стоящего рядом едва не подпрыгивающего на месте плюгавого мужичонки.

– Да кто ж его знает-то... – растерянно почесал в затылке тот. – Станный он. Сирота, его наш старый учитель, Фаэр, растил. Подобрал гдей-то мальчонку. А как Фаэр помер, Кейсав сам на его место стал. Токмо...

Мужичонка скривился и добавил:

– Чемуй-то не тому он пацанву учит... Мой шкет вумными словесами заговорил, фиг поймешь, чего он и баит-то. А зачем оно простому человеку надобно? Книжки всякие шкет читать стал, дурные книжки. Не я один так думаю, усе соседи тоже. Не дело енто. Другой учитель нам нужон. А уж коли Кейсав еще и чародей... Надо будет барону пожалиться.

Горожанин укоризненно помотал головой и замолчал. Майт задумчиво хмыкнул и посмотрел на темноволосого парня с куда большим интересом, чем раньше. Он еще не знал, что их судьбы завязаны в один узел, хотя в следующий встретиться им доведется нескоро.

* * *

Ожидая поединка, Кейсав продолжал размышлять, не зря ли он во все это ввязался. Однако из города все равно пора уходить, люди все чаще недоброжелательно поглядывали на молодого учителя, да и слухи о нем начали распространяться нехорошие. Почему-то горожанам не нравилось, что он учил их отпрысков думать самостоятельно, а не покорно внимать авторитету родителей. Юноша незаметно вздохнул – такого подхода он никогда не понимал и понимать не хотел, ведь учитель, наоборот, всегда учил Кейсава именно думать, а не пользоваться набором готовых мнений.

Странной выдалась его короткая жизнь, даже сам он это понимал. Своих родителей Кейсав не помнил, начав осознавать себя уже после того, как Фаэр подобрал его. Юноша не раз спрашивал учителя, где и как это произошло, но тот уходил от ответа, бурчал, что пусть лучше воспитанник вот эту книгу прочтет и сообщит свои выводы о ней, чем дурью маяться. Если разобраться, то Фаэр потратил на обучение Кейсава столько времени и сил, сколько не тратил на учеников никто. По крайней мере, никто из тех, кого юноша знал. Иногда у него даже возникало подозрение, что учитель считает его воспитание главным жизненным приоритетом, пуская остальное побоку.

Фаэр был чародеем, причем однозначно выше третьей ступени, хотя считалось, что ступени выше просто нет. Вот только Кейсав не раз видел, как учитель делал вещи, неподвластные никому другому, даже описанным в древних книгах великим мастерам. Воспитанника Фаэр тоже растил как чародея, научив очень

многому. Вот только не велел никому говорить о том, что они оба владеют Искусством. Почему? Ведь период гонений на чародеев давно прошел, а именно тем, что к владеющим Искусством плохо относятся, Фаэр и мотивировал свое поведение. В ответ на недоумение воспитанника он иногда недовольно бурчал, что жрецы, в последнее время очень усилившиеся, чародеев не просто не любят, а люто ненавидят, и всегда готовы доставить им неприятности, которых умным людям следует избегать.

Год назад Фаэр умер. Впрочем, умер он для остальных жителей городка, а Кейсав в его смерти сильно сомневался, поскольку наставник после нее не раз являлся к нему в виде призрака и продолжал учить. Причем начал давать куда более сложные, чем раньше, связки. Порой такие, что Кейсав больше декады ломал голову в попытках понять, откуда там ноги растут, ведь учитель приучил его понимать, как и почему действует та или иная связка, а не использовать вслепую, как часто делали другие чародеи. Мало того, Фэйр заставлял воспитанника придумывать собственные связки для конкретных целей, что считалось вообще невозможным. Кейсаву довелось пару раз беседовать с другими чародеями, и он был поражен их ограниченностью. Они на полном серьезе утверждали, что можно использовать только разработанные древними мастерами заклятия, не пытаясь их хоть в чем-то улучшить, поскольку это обязательно приведет либо к гибели, либо к сумасшествию наглеца. Причем говорили это с таким апломбом, с такой уверенностью в своих словах, что даже возражать не хотелось. Кейсав и не возражал, помня требование учителя скрывать свои силы и знания от посторонних. Только мысленно посмеивался над невеждами.

Еще вчера утром Кейсав не думал, что его жизнь может так быстро измениться, уходить из Теймара он собирался ближе к осени, когда жара немного спадет. Однако даргал^[2] - Даргал - живший в предыдущую эпоху жрец Шиннаны, подчинивший себе тварей Мертвого леса и развязавший Первую войну чародеев. Он пришел из другого мира через разлом, оставшийся после ухода Танана и Падальщика из Дэлоуэ. Его именем ругаются, как на Земле именем черта, слишком жуткую память он по себе оставил. (Прим. автора.) понес юношу за город, где вчера поставил свои шатры бродячий балаган Шаэра. И там выяснилось, что оный Шаэр считает себя не бродячим циркачом, а «великим» чародеем со свитой. Чего только он не обещал зевакам! И исцеление от неизлечимых болезней, и предсказание будущего, и защиту от сглаза, и хороший урожай, и удачу в делах. Лишь бы платили. Услышанное заинтересовало Кейсава, и он пробился через толпу к повозке, с которой разглагольствовал Шаэр. Посмотрел на того чародейским взглядом и,

не выдержав, рассмеялся в голос – способностей к Искусству балаганщик не имел в принципе. Вывод следовал один – это шарлатан. А учитель не раз твердил Кейсаву, что шарлатанов нужно наказывать, поскольку они позорят имя чародея и вызывают ненависть к владеющим Искусством. Вспомнив рассказы Фаэра о творившемся после Первой войны чародеев, юноша решительно вышел вперед и разоблачил Шаэра перед горожанами. Тот возмутился, закудаhtал, начал орать, что он – ого-го, однако Кейсав предложил ему доказать свои слова, создав хотя бы простейшую связку огненного шара. На что шарлатан заявил, что это ниже достоинства «великого» чародея и вызвал юношу на чародейский поединок завтра днем. Кейсав пожал плечами и согласился.

Поздно вечером, когда юноша уже собирался ложиться спать, в дверь его крохотного домика неожиданно постучали. Удивившись, кого это принесло в такое время, Кейсав открыл. На пороге стояла русоволосая, большеглазая, не слишком красивая девушка в цветастой юбке до пят. Совершенно незнакомая. Впрочем, по ее наряду сразу стало понятно, что она из балагана, в городе такую одежду не надела бы ни одна уважающая себя женщина. Интересно, что ей нужно? Очередная уловка шарлатана?

– Здравствуйте... – потупилась нежданная гостья. – Вы ведь тот молодой человек, которого Шаэр вызвал на поединок?

– Да, – подтвердил Кейсав.

– Можно с вами поговорить?

– Заходите.

Юноша посторонился, и девушка нерешительно вошла, окинув взглядом небогатую обстановку и развешанные по стенам пучки целебных трав – если была возможность обойтись без чародейства, Кейсав старался обходиться, так уж воспитал его учитель. Затем она села на указанный табурет и снова смущенно потупилась. Юноша молча ждал.

– Меня зовут Сейла, – наконец заговорила гостья. – Я из балагана Шаэра. Я хотела вас предупредить...

– О чем? – приподнял брови Кейсав.

– Сам Шаэр, конечно, никакой не чародей, но в балагане есть чародеи, причем неплохие. Я в том числе.

– Да?..

Юноша всмотрелся в нее и удивился – девушка не лгала! Она действительно обладала силой, и немалой силой, только неразвитой. Ее, похоже, никто по-настоящему не обучал. Что-то может, но вряд ли многое. В этот момент Сейла, вероятно желая доказать свои слова, сформировала на ладони огненный шар, но сделала это столь неуклюже, что Кейсав едва сдержал смех, но сдержал, чтобы не обижать ее – гостья чем-то понравилась ему. Но в этот момент девушка потеряла контроль над шаром и обожглась, зашипев от боли. Кейсав машинально погасил ее огненный шар короткой, почти незаметной связкой, одновременно залечив ожог еще одной.

– Ой... – Сейла с изумлением уставилась на свою ладонь, потом подняла расширившиеся глаза на улыбающегося Кейсава. – А разве можно залечить ожог так быстро?..

– Как видите, можно, – развел руками он.

– А думала, такое только древние мастера умели... Понятно теперь, почему...

– Что?

– Почему вы разоблачили Шаэра. Я читала о том, как относились к шарлатанам древние мастера...

– Ну, я-то уж точно не древний мастер, – улыбнулся Кейсав. – Я не понимаю только, зачем вы ко мне пришли.

– Не все в балагане довольны своим положением, – тяжело вздохнула гостья. – Но иного выбора нет... Каждый из нас что-то умеет, но никто только своим умением не прокормится. А Шаэр дает нам хоть какой-то кусок хлеба. При этом каждый делает то, что умеет лучше всего.

– А все лавры пожинает хозяин балагана, – понимающе кивнул юноша. – Не сказал бы, что это хорошо.

– А что делать-то?! – с отчаянием вскинулась Сейла. – В провинции чародеев и так не сильно любят, сами, наверное, знаете. Многие наши вообще в розыске, их обвинили в наведении порчи на скот или на людей. Кое-кого Шаэр из тюрем выкупил, кое-кого из бедных многодетных семей взял, где они от голода загибались. Мы и хотели бы иначе, но в балагане хоть какая-то защита есть! Я только в балагане впервые поела досыта!

– Понимаю... – помрачнел Кейсав. – Но поймите, вы живете обманом! Нельзя обманывать людей, обещая им то, чего сделать не можете! Я – обученный чародей, но даже мой учитель, а уж мне до него далеко, не взялся бы лечить многие болезни, не говоря уже о привлечении удачи.

– Я согласна... – уныло понурилась девушка. – Но деваться некуда.

– Почему? Уйди от этого шарлатана! У тебя есть сила, тебя просто нужно обучить, и ты сама станешь хорошей чародейкой.

– А кто обучит-то? Где наставника взять?

– Да, это проблема... – вынужден был согласиться Кейсав. – Хорошего наставника просто так не найдешь, да еще вопрос – возьмет ли он в ученики. Мой учитель, кроме меня самого, никого не брал, бурчал, что нечего метать жемчуг перед... э-э-э... не способными его оценить.

– Я бы оценила... – как-то искоса посмотрела на него Сейла.

Немного помолчав, она продолжила:

– Я потому к вам и пришла, что давно хочу из балагана уйти, только некуда. Родным я не нужна, они и так не знают, как остальных детей прокормить. Податься некуда. Кое-что могу, но очень мало, да и не рискну показывать в глухих местах, что я чародейка – могут и камнями забить, если одна буду. И что делать – не знаю...

– Все равно советую уходить, – укоризненно покачал головой чародей. – Лучше что угодно, чем жить обманом.

– Наверное, вы правы... – девушка встала и одернула юбку. – Пойду я, поздно уже.

– Спокойной ночи! – пожелал Кейсав, тоже вставая и открывая дверь.

Проводив гостью, он сел у стола и задумался, не зря ли полез в это дело. Ведь у таких, как Сейла, действительно нет возможности иначе заработать на кусок хлеба. Но с другой стороны, Шаэр их просто использует, кладя львиную долю заработка себе в карман. Нет, наверное, все же не зря. К сожалению, после поединка из города придется уходить, пока барону не сообщили, что в его владениях появился сильный чародей – уж барон-то такого подарка судьбы не упустит. А иметь дело с этой жадной сволочью Кейсав не хотел, так можно и самому сволочью стать. Поэтому юноша заранее собрал дорожную котомку, намереваясь покинуть Теймар сразу по окончании поединка.

Шум собравшейся толпы вернул Кейсава из воспоминаний к реальности. Он снова с трудом удержался от смеха при виде разряженного Шаэра – это же надо настолько не иметь вкуса. А тот выглядел самодовольным и полностью уверенным в своих силах. Странно даже, на что он надеется?

Шаэр исподлобья поглядывал на наглого юнца, осмелившегося бросить ему вызов, и предвкушающе ухмылялся. Скоро Сейла разделает его в пух и прах! В этой глуши встретить настоящего чародея невозможно, они все в столицах графств и герцогств сидят. А если этот Кейсав что-то и может, то уж всяко меньше Сейлы, способной одним огненным шаром двух-трех человек поджарить. Тем более, что звездочет вчера предсказал – ей суждено поразить наглеца в самое сердце. Значит, вообще беспокоиться не о чем. Вечером, правда, глупую девчонку долго не могли найти, но после того, как нашли, больше не спускали с нее глаз, а то одному даргалу ведомо, что может взбрести ей в голову.

– Против меня ты никто! – гордо заявил Шаэр, приняв важный вид, а если точнее, надувшись, как земляная жаба во время брачных игр. – Ты с девчонкой сначала справишься, а затем уж и я выйду, если от тебя что-то останется.

Он махнул рукой, и двое помощников вывели на помост Сейлу. Вот уж кого Кейсав не рассчитывал здесь увидеть, так это ее. Впрочем, девушке, судя по ее виду, происходящее тоже удовольствия не доставляло. Она бросила на довольного собой Шаэра злой взгляд и что-то неслышно прошипела сквозь зубы, видимо, пожелала ему «всего хорошего». Однако тот не обратил на это никакого внимания, махнул рукой, подавая сигнал к началу поединка, и спустился вниз.

- Извините... - потупилась Сейла. - Я не знала, что он меня выставит...

- Ничего страшного, - ободряюще улыбнулся Кейсав. - Начинайте, не бойтесь.

Девушка еще раз виновато посмотрела на него, затем развела в стороны руки, начавшие наливаясь синеватым свечением. Перед ее лицом сформировался небольшой огненный шарик и не слишком уверенно двинулся к Кейсаву. Тот на него просто дунул - и шарик погас, оставив после себя быстро развеявшийся клуб дыма. После этого Кейсав слегка пошевелил пальцами перед грудью, и над Сейлой сформировалось крохотное облачко, откуда на голову девушки пролился теплый дождик. От неожиданности она вскрикнула и отступила на шаг. Кто-то в толпе заржал, как молодой жеребец.

В глазах Сейлы появилось возмущение, она явно рассердилась. Свела руки вместе и толкнула что-то невидимое в сторону Кейсава. Он нарочито тщательно отряхнул рукав камзола от поднявшейся пыли.

- Сосредоточьтесь, Сейла, - посоветовал молодой человек. - Вы способны на большее.

Она неприязненно посмотрела на него и отряхнула волосы от вороха неизвестно откуда взявшихся цветочных лепестков. Похоже, ее не воспринимают всерьез! Это же просто свинство! Кем он себя возомнил?! В сердцах девушка применила водяное копьё. Но бессовестный Кейсав словно и не заметил этого - копьё по дуге обогнуло его и врезалось прямоком в Шаэра, окатив того водой с ног до головы. Хозяин балагана тут же стал похож на мокрую ворону и принялся раздраженно ругаться.

- Вам лучше работать со стихией огня, - негромко сказал Кейсав. - Вода - это не ваше. Да и контроль усилить не помешает.

По толпе прокатились смешки. Сейла бросила на молодого учителя разъяренный взгляд, но все же воспользовалась его советом. От злости она сформировала такой огненный шар, какого не формировала еще никогда, и со всей возможной скоростью швырнула в противника. Тот ловко поймал шар и принялся перебрасывать его с руки на руку, язвительно комментируя стиль создания. Сейле стало обидно до слез. А сам Кейсав не делал ничего страшного, он то осыпал ее чем-то, то взъерошивал волосы ветерком, то запускал над головой девушки рой разноцветных огоньков. И проделывал все это с оскорбительной легкостью. Только сейчас до Сейлы окончательно дошло, чем отличается обученный чародей от необученного. Она знала это и раньше, но столь наглядный пример оказался очень убедителен.

Вскоре Сейла выдохлась, сил у нее всегда было не слишком много, и она истратила их все, теперь с пару дней не сможет чародействовать. Она опустила голову и признала свое поражение, на что Кейсав только кивнул, словно ждал этого. Впрочем, видимо, действительно ждал – знал, что девушка ему не противник. Он еще вчера об этом говорил.

Шаэр спал с лица. До него дошло, что он, паче чаяния, наткнулся на настоящего, сильного и обученного чародея. Но что такой чародей делает в этом занюханном городишке?! Ответа хозяин балагана найти не смог, да и не стал долго думать об этом – нужно было как-то выпутываться из неприятной ситуации. А как?..

– Так вы идете? – донесся с помоста издевательский голос Кейсава. – Я жду.

– Э-э-э... – протянул Шаэр, не зная, что сказать. – Я...

– Вы – никакой не чародей! Я готов простить вас, если вы прилюдно признаетесь в том, что вы – шарлатан!

– Но... – растерянно протянул тот. – Я...

– Или выходите на помост! – тон Кейсава был непреклонен.

– Ладно, ладно... – насупился Шаэр, со страхом и бессильной злобой глядя на него. – Я не чародей... Я обманывал вас, люди... Я не умею ни лечить, ни призывать удачу...

– И вообще ничего не умеешь! – безжалостно добил противника молодой чародей. – Ты шарлатан!

– Я шарлатан... – подтвердил хозяин балагана, скрипнув зубами.

– А теперь я хочу обратиться к тем, чьей силой Шаэр бессовестно пользовался. Ребята, девушки уходите от него, вы сами всего добьетесь! Запомните – нельзя обманывать людей! Обещайте только то, что действительно можете сделать. Иначе тоже превратитесь со временем в шарлатанов! С этого дня у Шаэра не будет ни в чем удачи. Не оставайтесь с ним!

Немного помолчав, Кейсав продолжил, обращаясь уже к горожанам:

– Люди, вам придется найти другого учителя. Я уйду из города. Спасибо вам за кров и хлеб! Не держите зла, если что было не так. Счастья и удачи вам!

Он низко поклонился, спустился с помоста и направился к воротам города. Горожане загудели, провожая молодого чародея взглядами, но ни один не попытался остановить его – чародеев в провинции побаивались и недолюбливали, поскольку те обладали непонятной людям силой. А люди всегда боялись неизвестного – такова уж их природа.

Майт тоже проводил Кейсава взглядом, а затем начал проталкиваться к сбившимся в стайку и что-то возбужденно обсуждающим балаганщикам. Шаэр явно пытался им что-то доказать, но его никто не слушал. Сказитель возбужденно потер руки и двинулся к ним – это был шанс, которого упускать нельзя. Если все получится, то у него будет свой театр!

Выйдя за ворота, Кейсав обернулся и довольно долго смотрел на город, в котором жил, сколько себя помнил. Впереди ждала неизвестность, но молодой чародей не боялся, а наоборот, испытывал азарт. Он надеялся, что сумеет найти новые знания, научится многому и проживет интересную жизнь. Однако прощаться со знакомым местом было все-таки немного грустно. В конце концов, Кейсав тряхнул головой, улыбнулся и решительно зашагал на юго-запад, в сторону Лэра.

Дорога мягко стелилась под ноги, по сторонам виднелись небольшие рожицы, изредка холмы, поросшие кустарником. Скоро ягоды созреют, а может, уже сейчас есть немного зрелых, надо будет проверить. Кейсав редко выходил за пределы города, поэтому мало знал о жизни за его стенами, но считал, что справится со всем – ведь он чародей.

Внезапно какой-то звук позади привлек внимание юноши. Он обернулся и успел заметить человеческую фигуру, скрывающуюся за кустами, кажется, женскую. Кейсав пожал плечами – наверное, какая-то крестьянка пошла ягоды собирать. И двинулся дальше. Но через некоторое время позади снова раздался звук шагов. Он резко обернулся и увидел девушку, показавшуюся знакомой. Всмотрелся и негромко выругался себе под нос.

– А вы что здесь делаете? – спросил он у перепуганной Сейлы, нервно мнущей в руках узелок со скудными пожитками.

– В город иду... – она опустила глаза. – Я ушла из балагана...

– Что ушли, это правильно, – улыбнулся Кейсав, – давно надо было. Но зачем вам в город?

– Говорят, в Лэре чародеи есть. Вот иду проситься в ученицы, может кто-то возьмет...

– Неплохая мысль, – кивнул юноша. – Но почему вы идете за мной?

– Одинокой девушке на дороге опасно... – понурилась Сейла. – Можно с вами пойти?..

Кейсав озадаченно почесал затылок. А ведь она права – девушку те же разбойники и изнасиловать могут. Хотя она вполне способна разогнать банду огненными шарами. Но все равно, негоже оставлять ее одну, некрасиво это. Да и идти вместе веселее будет.

– Хорошо, – улыбнулся молодой чародей.

– Благодарю! – просияла девушка, как-то странно посмотрев на него.

Они переглянулись и, болтая обо всем на свете, зашагали по дороге.

Глава 2

Тревожные вести в конце концов заставили действующие принципы и соответствия собраться в месте, которое люди, по непониманию, называли Серебряным городом. В мире появилась новая, неизвестная сила, но при этом никак не обозначила себя. Сущности, которых в иной реальности называли бы богами или валарами, пребывали в нематериальном состоянии, так им было легче общаться и действовать.

– Вы уверены, что это не новые игры Шиннаны? – ментальный образ Ранита, принципа Сознания, нес тысячи подтекстов.

– Не похоже ни на нее, ни на Шинту, – ответила Ганта, соответствие Животного мира, к которому относили и людей.

– Давайте по порядку, – образ Хайона, принципа Структуры, как всегда был идеально выверен и логичен. – Кто начнет?

– Пожалуй, я, – сказала Найа, соответствие Тела планеты. – Общая энергетическая картина мира неуловимо изменилась. Я попыталась проанализировать это изменение, но не смогла прийти ни к каким выводам. Думаю, все вы, каждый на своем уровне, заметили это изменение.

Остальные подтвердили.

– А я продолжу, – образ Айана, принципа Формы, нес задумчивость. – Все мы заметили короткую активацию древних артефактов, но попытки выяснить, почему это произошло, ни к чему не привели. Хотя у меня есть одно подозрение. Вспомните первое проявление Шиннаны. Тогда они тоже активировались.

– Получается, в мире проявился новый принцип? – несколько удивилась Ка, соответствие Растительного мира. – Но тогда кто он, откуда взялся и почему до сих пор не заявил о себе?

– Кое на что могу ответить я, – в Серебряном городе возникла еще одна сущность, несколько отличающаяся от других.

– Здравствуй, Шинта! – поприветствовали новоприбывшую принципы и соответствия. – Слушаем тебя.

– Среди людей пошли разговоры, что у актеров, сказителей и менестрелей появился божественный покровитель. Заинтересовавшись этими разговорами, я, глазами своих детей, начала наблюдать и стала свидетельницей проявления силы этого самого покровителя. Действительно, если кто-то пытается обидеть шута хотя бы, то на этого кого-то начинают сыпаться мелкие неприятности. Я не смогла понять, как это реализовано, возможно, вы поймете. Но сразу могу сказать одно – в Дэлоуэ действительно проявился новый принцип. Почему он не идет на контакт с нами, я не знаю.

– Возможно, он очень молод и еще мало что понимает, – предположил Хайон. – И даже не знает о нас, считая себя единственным.

– Значит, нужно дать ему понять, что он не один, – задумчиво произнесла Терфана, соответствие стихийных сил. – А то как бы не наворотил по глупости дел...

– Странное приложение он для себя избрал, – образ Нифонта, принципа Жизни, нес растерянность. – Лицедеи и музыканты? Почему? Ради чего? Не понимаю...

– Не скажи, – возразила Шинта. – Видимо, ты не знаешь, сколь сильное влияние на человеческий социум способны оказать творческие люди. Поверь, они могут вообще повернуть течение истории вспять. Особенно, если их умело направлять.

– Тогда понятно... – задумчиво протянул Ранит. – Может, это Банстар просыпается?

– Не похоже на него, – не согласилась Эллана, соответствие Воплощения Древних. – Банстар – принцип Знания, он, скорее, взял бы под защиту ученых. Да и рано ему просыпаться.

- Не могу понять, по какой причине тогда возник новый принцип... - озабоченно пробурчал Хайон.

- Шутка Создателя, - хихикнула Ганта.

- Не кто-то из вас постарался? - подозрительно поинтересовался Хайон. - Прости Шинта, но ты возникла уже после игр Танана, если бы он не додумался наделить разумом создания животного мира, то ты не появилась бы.

- На что мне обижаться? - отправила ему улыбку та. - На правду? Я благодарна Танану, где бы он сейчас ни был, за свое существование. Но никто другой, насколько мне известно, ничего подобного не делал. Может, новый принцип пришел извне?

- И это возможно. Мы должны как можно скорее выяснить это.

- Вопрос: как? - хмыкнула Ка.

- Пока не знаю. Предлагаю разойтись и подумать над этим. И, конечно, каждому поискать на своем уровне.

Все отправили образ согласия и мгновенно исчезли. Осталась только Эллана, и осталась в надежде, что здесь никто не сможет подслушать ее мысли, которые перед выходом придется заблокировать.

В момент пришествия неизвестной силы она, в отличие от других, сумела уловить отголоски изменения картины мира. И эти отголоски показались Эллане очень знакомыми, почти родными. Она еще тогда заподозрила, что вернулся Танан, принцип Разума, ее бывший напарник, ушедший из мира тысячелетия назад, уводя за собой Падальщика. Но он почему-то не заявил о себе, а затаился. Теперь Эллана уже не знала Танан ли это, или кто-то другой, но глубоко в душе считала, что все же он. Взять под защиту поэтов и менестрелей? О, это очень похоже на Канатоходца, он всегда был безумным, хоть и считался принципом Разума.

И если это Танан, то нужно относиться к нему очень осторожно, ведь он мог слиться с Падальщиком, став совсем иным существом, несущим родному миру

только гибель. Необходимо выяснить так ли это, и если так, то остановить его. Любой ценой.

* * *

Разговор коллег заинтересовал Танана, однако он не понял, кем являлась Шинта и что она делала среди принципов и соответствий. Новый принцип проявился? Вполне возможно. Его никто не заметил, хотя маскировался принцип Разума довольно небрежно, рассчитывая, что его легко обнаружат, но его не обнаружили, и это сильно настораживало. Коллеги растеряли свои знания и умения? Очень плохо, коли так, но ничем иным объяснить то, чем стал Дэлоуэ, было невозможно. Мир превратился в затхлое, скорее даже тухлое болото. Банстар, принцип Знания, продолжал спать, хотя давно должен был проснуться и вести мир к Переходу.

Но хуже всего, что это оказалась первая встреча принципов и соответствий за прошедшие после его возвращения два десятилетия. Те, кто должен был держать руку на пульсе событий и мгновенно реагировать на любое стороннее вмешательство, только сейчас, когда энергетическая картина мира уже ощутимо изменилась, изволили пошевелиться. И это навевало очень нехорошие подозрения. Управители, похоже, просто бездельничали вместо того, чтобы заниматься делом. Не шли к общей цели, определенной еще совместно с демиургом, Нэном, и Найаной, принципом Однородности, а мирно спали, ничего не предпринимая, не обращая никакого внимания на бесчинства новой силы, в которой четко ощущалась энергия Падальщика. Как там они ее называли? Шиннана, кажется.

Сразу после возвращения принцип Разума начал менять мир то в одном, то в другом его уголке. Населенную, естественно, часть мира, материки, на которых жили только животные, его ни в малейшей степени не интересовали, это прерогатива Ганты. Вот еще один факт в копилку странностей. За прошедшие тысячелетия люди почему-то не заселили эти материки, теснясь на одном, уже сильно перенаселенном.

Люди... О людях был отдельный разговор, и очень непростой. Они почему-то так и остались всего лишь смыслеными животными, истинно разумными существами так и не стали. Но никого из его коллег это почему-то не озаботило. От того, как жили в человеческих городах и селениях, чем руководствовались,

Танана затошнило, это был какой-то апофеоз варварства, жестокости, корысти и невежества, причем невежества воинствующего, считающего любые новые знания чем-то вредным и подлежащим немедленному искоренению. Только то, что проверено поколениями, ничего больше. Людей заставляли что-то делать и чего-то добиваться только похоть и жадность, в итоге они стремились исключительно к низменным вещам.

Выяснить почему все вокруг настолько отвратительно Танан пока так и не смог, немногие имевшиеся данные он получил от нескольких древних, взыскующих знаний, которым рискнул открыться. Кое-кто из них, как ни удивительно, все еще жил в своих величественных подземных городах, продолжая исследовать Делуэ, хотя большинство их сородичей давно ушли в бесчисленные иные миры, где было чем удовлетворить безграничное любопытство великих чародеев. Однако некоторые акала почему-то жили среди людей, притворяясь таковыми – им это не составляло труда, чародейство было их сутью и кровью. Зачем? Ради чего? Наверное, опять же из любопытства, хотя принцип Разума не понимал, что интересного могли найти в обществе невежественных дикарей древние мудрецы.

Итак, что же произошло после того, как его ошибка привела в Дэлую Падальщика, которому не место в молодом мире, его задача – пожирать отжившие свое? Танану пришлось увести тварь за собой, по дороге сбросив часть своей энергии, как он сбрасывал ее во время создания людей, смешав энергию Разума и энергию Животного мира, принадлежащую Ганте. Но и Падальщик, следуя за ним, почему-то сделал то же самое, что было для него совсем не свойственно. После чего их энергия однозначно смешалась, породив нечто неестественное и гнусное. Вон оно, ощущается в мире, особенно в Заколдованном лесу. Возникает чувство, что там обитает нечто чуждое и смертельно опасное. Но если это так, то почему его коллеги это допустили? Нет, пока Танан окончательно не разберется во всем, открываться им нельзя. Ведь для их бездействия однозначно есть причины. И как бы они не решили изгнать из мира принцип Разума, вернувшийся домой после тысячелетий блуждания по бесчисленным мирам. Чтобы не мешал и дальше спокойно спать.

Вот бы Нэн навестил свой мир, он бы этим ленивым задницам показал, что почем, только перья бы во все стороны полетели, но это вряд ли, для демиурга Дэлую – давно пройденный этап. Для всех его ипостасей и основ – и самого Нэна, и Найаны, и всех остальных.

За прошедшие после возвращения годы Танан многое успел, он действительно взял под покровительство творческую братию – певцов, сказителей, циркачей и многих иных. И они буквально расцвели, поняв, что появилась сила, наказывающая любого их обидчика. Цирковые и театральные труппы множились, все больше талантливых ребят и девчонок просились в ученики к бардам и менестрелям. Некоторые ради того даже из дома сбегали. Это радовало, но беда в том, что их явно недостаточно, чтобы сдвинуть мир с мертвой точки, заставить его пусть медленно, со скрипом, но идти вперед.

Добиться прогресса могли только ученые и чародеи. Но неумехи и невежды, в которых превратились современные чародеи, были способны разве что на балаганские фокусы. Да, понятно, почему это произошло. Акала в свое время обучили людских чародеев на свою голову, а те взяли и возгордились, решив, что ухватили демиурга за бороду, которой у того отродясь не водилось. Каждый возомнил, что он самый лучший, самый сильный, самый умный. И идиоты сцепились между собой, натворив такого, что даже Танану не разобраться. Вон, пустыня за городом Теней до сих пор мертва после их драки.

Не успели выжившие чародеи немного успокоиться, как словно ниоткуда возник паскудный Даргал, ставший жрецом чужеродной силы, которую его коллеги называли Шиннаной. Насколько было известно акала, он пришел из провала, оставшегося после того, как Танан увел из мира Падальщика. Почему чародей из другого мира решил стать жрецом Шиннаны? Трудно сказать, но стал, и натворил столько бед, сколько никто другой никогда не творил. Он такой след оставил в памяти людей, что они и до сих пор ругаются его именем. Одолели Даргала каким-то хитрым способом, Танан так и не выяснил в подробностях каким именно, оставив это на долю своего аватара.

Немногие выжившие после войны со жрецом чародеи окончательно захирели, потеряли знания, стали самодовольными, убогими, мало что понимающими невеждами. А без их помощи мир с мертвой точки не сдвинуть. Значит, надо развивать Искусство всеми силами. Что для этого требуется? Как минимум, молодой, талантливый, нестандартно мыслящий чародей, который отправится искать древние знания, а прежде всего четыре волшебные книги Великого Тетроса, которые мало того, что хранят все знания Древних, так еще и способны инициировать чародея, дав ему все возможности акала, человеку изначально не присущие.

Вот только где такого чародея взять? Все, кого нашел Танан, были либо либо самоуверенными невеждами, считающими, что знают все на свете, либо, хуже того, просто глупцами. Они тряслись над своими убогими знаниями, никому их не передавая, а если и брали ученика, то оставляли в секрете множество знаний, чтобы ученик никогда не одолел учителя. В итоге каждое новое поколение чародеев становилось все более невежественным. А немногие из них, обладающие пытливым умом, уходили в жрецы Шиннаны. Почему? Чем она их прельстила? Танан не понимал, но столкнулся уже с несколькими такими случаями. И это ему очень не нравилось.

Выход оставался только один. Вырастить чародея с пытливым умом и направить его на поиски. И не просто чародея, а своего аватара, эмблему. Беда, что открыто помогать таковому, по древним законам, Танан не сможет, разве что подталкивать изредка в нужную сторону. До поры, до времени, конечно. После недолгого поиска нужный ребенок был найден и инициирован, в воспитатели ему принцип Разума определил древнего, по какой-то причине жившего среди людей. Тот не так давно перешел в высшую форму существования, но не оставил ученика, продолжил обучать его.

Взор Танана нашел аватара, движущегося по дороге вместе с другим одаренным. О, он уже нашел первого аколита! Очень хорошо. Но искать парню предстоит долго и трудно, ему придется пройти по всему Дэлоуэ – от севера до крайнего юга, прежде чем он найдет то, что следует. И это правильно – люди почему-то совершенно не ценят доставшееся даром, только то, чего достигли тяжелым трудом.

Отвлечшись от своих размышлений, принцип Разума, обратил внимание, что средоточие Воплощения Древних так и не покинула Серебряный город. Интересно, почему? Крутится, словно вынюхивает что-то.

– Танан! – внезапно позвала Эллана. – Я знаю, что вернулся именно ты, и знаю, что ты меня сейчас слышишь! Почему ты скрываешься? Что с тобой случилось? И собой ли ты остался?

Даже так? Ну что ж, его напарница всегда отличалась проницательностью. Но открываться ей сейчас было бы величайшей глупостью. Догадываться Эллана может сколько угодно, но идти ей навстречу не стоит. Слишком неправильно выглядит происходящее в мире. Поэтому принцип Разума отправил в общее ментальное пространство короткий мысленный образ смеющегося котенка,

размахивающего двумя разноцветными бантиками в лапках, и незаметно покинул Серебряный город.

Эллана, считав образ, тихо выругалась. Это было очень похоже на Танана, даже более, чем похоже, его стиль, но доказательством, что это именно он, не являлось. Делиться своими догадками с коллегами соответствие Воплощения Древних не собиралась, ей самой не нравилось их бездействие в последние столетия, но ничего поделать не могла – таково было общее решение.

Что ж, она пока понаблюдает. Может, Танан все же откроется. Со временем. Когда поймет, что Эллана не угрожает его планам.

* * *

Сидя на облучке рядом с возницей, Майт радостно улыбался. Его старая мечта о собственном театре была на грани воплощения. После чародейской дуэли циркачи и актеры балагана окончательно рассорились с Шаэром и потребовали поделить имущество при посредничестве местного мирового судьи. Да, им в итоге достались всего два фургона из двенадцати и минимум реквизита, но все это отныне принадлежало именно им. Хозяин балагана волком выл, ведь у него даже возниц не осталось, только сами фургоны и быки. И что с ними делать? Только продать. В большом городе с этим пролем не возникло бы, но кому нужны цирковые фургоны в крохотном Теймаре?!

Подождав пару дней, пока Шаэр, заломивший поначалу дикие цены, сбросит их до приемлемого уровня, Майт с Иралианом скинулись и купили два фургона вместе с тяговыми быками. А бывший хозяин балагана пошел пропивать полученные деньги в трактир, он как-то очень быстро опустил после того, как ему пришлось прилюдно признать себя шарлатаном, и начал черно пить. Впрочем, судьба Шаэра сказителя с менестрелем ничуть не волновала, шарлатан заслужил ее в полной мере.

Приятели, обсудившие между собой идею Майта о цирковом театре, пошли к все еще не покинувшим пустырь актерам договариваться, ведь те явно не знали, что дальше делать и как жить. Это было видно по их потерянному виду. Впрочем, в самом Теймаре балаганщики появляться избегали – опасались барона Хайседского, несколько дней назад устроившего в городе настоящую бучу. Местному владельцу очень не понравилось, что он упустил жившего в его

городе чародея – давно хотел найти себе такового, притом покорного, чтобы выполнял все его задумки и капризы. Барон черной завистью завидовал герцогу Лэра, у которого придворный чародей имелся. Из-за этого старый враг владетеля Теймара и в сто с небольшим лет был здоров и бодр, даже молоденьких девочек то и дело портил, невзирая на то, что недавно женился в седьмой раз. Шестую жену, на свадьбе с которой возмутился Иралиан, он благополучно уморил за каких-то три года.

Гостей на поляне, где расположился лагерь еще оставшихся в окрестностях Теймара балаганщиков, встретили насторожено. Из них осталась только половина – артисты погорелого цирка разделились и поделили фургоны. Половина отправилась на юг, к Зерту и Олантану, а остальные, как уже говорилось, не знали, что им делать. Они ходили, как неприкаянные, понятия не имели, куда себя деть и уже готовы были звать обратно мошенника Шаэра. Так что Майт успел буквально в последний момент. И был очень рад этому.

– Доброго дня вам, люди! – поклонились менестрель и сказитель, затем поведали, кто они.

Балаганщики сразу расслабились и заулыбались, перед ними были свои, такие же бродяги, живущие своим творчеством. Силач Руго, и в самом деле выглядевший, как человек-гора, трубным басом поприветствовал коллег, невзирая на свою страхолюдную внешность громила был очень добр, настолько, что даже кусачих насекомых старался не давить.

– Ну и чего вам двоим от нас надобно?.. – хмуро поинтересовался пожилой мужчина, настолько унылый и кислый на вид, что настроение могло испортиться при одном взгляде на него. – У нас ничего нет...

– А ты кто? – прищурившись, спросил Майт.

– Дядюшка Охт, клоун.

Сказитель от такого известия чуть на землю не сел. Видел он выступления этого знаменитого клоуна, на них народ со смеху помирал, животы надрывал, он постоянно искрометно шутил, был просто огонь. И вот этот унылый тип – тот самый дядюшка Охт? Ну и ну...

– Что, не похож?.. – криво усмехнулся клоун. – Забыл, что смех тем, кто смеется, жизнь продлевает, а тем, кто смешит – укорачивает?

– Забыл, – вынуждено признал сказитель.

Балаганщики окружили гостей. Слева стояли трое. Кен, жонглер, худощавый рыжий парень с озорным веснушчатым лицом, Макот, высокий, худой акробат с лысиной на полголовы и Даля по прозвищу Найра, совсем молоденькая еще, лет шестнадцати всего лишь, не слишком красивая, но довольно симпатичная гадалка с почти белыми короткими волосами до плеч и пугающими черными глазами в половину лица. Как потом узнал Майт, невзирая на малый возраст, девушку в балагане уважали, ее предсказания не раз сбывались, поэтому к ее мнению циркачи прислушивались.

Справа стояли еще две девушки. Одна явная южанка, о чем говорила смуглая кожа и вьющиеся черные волосы, она ни секунды не стояла на месте, не ходила, а пританцовывала, была словно текучий огонь, в одно мгновение она стояла рядом, а в другое уже на другом конце поляны. Жгучая красавица в цветастой юбке представилась Итаной, гимнасткой и канатоходкой. А вторая... При виде второй Майту показалось, что его ударили под дых. Неброская, скромная, но глубокая домашняя красота, прямые русые волосы по плечи, ясные, большие серые глаза, в которых светилось живое любопытство.

– Тайра, – смущенно представилась она, искоса поглядев на сказителя, и он понял, что пропал, утонул в ее глазах. – Жонглерка и акробатка.

Святые боги, это она! Единственная и неповторимая, встречи с которой Майт ждал столько лет! Между ними явно проскочила искра, поскольку девушка смущенно потупилась под понимающий смешок подруги. Не сразу ему удалось взять себя в руки и оторвать взгляд от покрасневшей Тайры.

– Братья и сестры, актеры и циркачи! – обвел Майт всех собравшихся на поляне. – Мы с другом к вам с предложением. А давайте организуем не просто балаган, а театр! Я знаю на память сотни преданий и древних баллад, мы сможем разыгрывать их перед зрителями. И это будет стократ интереснее, чем просто цирковые выступления!

– Не буду спорить, видал я такой цирковой театр, – кивнул дядюшка Охт. – Где он выступал, другим места не было, сборы театр имел отличные, сам видал, как какие-то владетельские сынки им целую золотую монету кинули!

Балаганщики недоверчиво зашумели. Золото в Дэлоуэ было редким и стоило очень дорого. Золотой монеты хватило бы им всем года на два безбедной жизни. Только монету сначала на серебро и медь разменять требовалось, а сделать это можно было только в крупных городах – Лэре, Таламаре, Зерте, Эсталане, Илмаре и Олантане. В южных Наро, Лиатхане и Тарихараде тоже, конечно, но так далеко на юг никто из циркачей еще не забирался, да и не собирался. Ходили слухи, что там целые стаи тварей по степям бегают, в отличие от центральных и северных областей, где их было немного, если не считать Заколдованный лес.

– А кто ж все это организует-то, а? – спросил Макот. – И где реквизита столько взять?

– Я могу, – вызвался Майт. – Иралион, – он кивнул на того, – поможет. Да и вы все. А реквизит понемногу либо купим, либо сами сделаем. У меня руки откуда надо растут, у вас, думаю, тоже, иначе не выжили бы столько лет в дороге. Сообразим, что нужно для первого спектакля, про трех героев войны с Даргалом. Каливру[З - Каливр – кентавр. Каливры бывают разных видов – люди-лошади, люди-волки, люди-леопарды, люди змеи и много еще кто. (Прим. автора).] Хэлдру и охотников Зерт и Кунара.

– Это про тех, кто владел Солнечным Копьем, Луком Молний и Рогом Луны? – влезла Итана, пританцовывая, ей не стоялось на месте. – Правда-правда?!

– Про них, – с улыбкой подтвердил сказитель. – Я много сказаний про этих троих и войну чародеев знаю. Первое представление можно так сделать, что и реквизита почти не понадобится.

– Беда в том, что у нас только один фургон остался, – хмуро возразил дядюшка Охт. – Как мы все в него влезем?

– А вот тут ты ошибаешься! – с довольным видом поднял палец вверх Майт. – В Теймаре цирковые фургоны никому и на хвост даргала не нужны, так что мы подождали, пока Шаэр цену сбросит, и купили два. Так что у нас не один,

а целых три фургона! Жаль, еще на парочку денег нет, стоило бы прикупить. Но, увы.

- И почему шарлатан их продает? - подозрительно прищурился клоун.

- Мы взяли по два серебряных, - ответил Иралиан. - Вместе с быками.

- Тогда держите вот деньги и идите купите еще два фургона, пока они не проданы, за такую-то цену, - протянул им небольшой кошель дядюшка Охт. - Обязательно возьмите тот, на котором морда паяца нарисована, и тот, на котором три канатоходца, там куча нужного реквизита. В кошельке шесть монет, если что, доплатите по одной за реквизит. Я бы и сам купил, но мне Шаэр ничего не продаст, разве что от дохлого осла уши. Не любим мы с ним друг друга, сильно не любим. Один только вопрос, а кто хозяином театра будет?

- Все мы! - решительно заявил Майт, беря деньги. - В равных долях. Но только пока выступаем в нем. Уходя, актер будет получать свою долю деньгами. Размеры выходных долей обговорим. Это всяко лучше, чем на одного хозяина батрачить!

- Да кто ж спорит, - усмехнулся старый клоун. - Согласен. Хороший выход для нас. Но... потянешь ли, парень?

- Потяну! - решительно заявил сказитель, не собирающийся отказываться от мечты о собственном театре.

И все завертелось со страшной скоростью, возникало даже ощущение, что Майт стронул камешек, который потянул за собой целую лавину. Новые фургоны у пьяного до изумления Шаэра приобрели еще до наступления ночи, правда, за реквизит все же пришлось заплатить отдельно. Очень хорошо, что у дядюшки Охта нашлись дополнительные деньги на это - даргалов шарлатан запросил за каждый фургон вместе с реквизитом по четыре монеты. Пришлось платить. А мог и вообще не продать, если бы успел протрезветь.

Утром балаганщики сбросили в общий котел все оставшиеся у них деньги, чтобы купить припасы на дорогу. Должна была еще выручить охота и рыбалка, охотиться и рыбачить было запрещено только на расстоянии ста миль от города. Да и ягоды с грибами должны скоро созреть. Нужно продержаться до того

момента, как будет подготовлен первый спектакль. Поначалу соваться с ним в города глупо, придется проехаться по бесчисленному множеству селений и деревень плодородной равнины, окружающей Лианорское озеро. Крестьяне как раз соберут урожай и соскучатся по зрелищам.

Долго оставаться в пределах досягаемости барона Хайседского, о котором ходили очень нехорошие слухи, никому не хотелось, а то еще припрется в поисках красивых актеров, и на следующий день пять цирковых фургонов навсегда оставили позади поляну возле городка Теймар.

Где-то вдалеке раздался одобрительный смешок Канатоходца.

Глава 3

Вторую декаду Кейсав и Сейла без особой спешки шли на юго-запад, к огромному озеру Лианор, напоминающему по размерам скорее море. На его побережье привольно раскинулся вместе с селениями-спутниками великий город Лэр, в котором, по слухам, жило больше полумиллиона человек. А кто-то говорил, что если учитывать бесчисленные предместья, то и миллион наберется. Город давно выплеснулся за пределы крепостных стен, благо твари уже лет сто не добирались до него.

Людей и повозок по широкому тракту двигалось в обе стороны множество. Караваны, отдельные путники и небольшие ватаги, компании ремесленников, ищущих работу, крестьянские обозы, везущие в Лэр съестное. Плодородная долина, в которой можно было снимать два, а то и три урожая в год, заселялась с каждым годом все плотнее, порой не успевала закончиться одна деревня, как начиналась другая. И места людям явно не хватало, это было хорошо заметно со стороны. Но жили при этом местные довольно зажиточно, откровенной нищеты Кейсав не видел. Нет, бедняков и нищих, конечно, хватало, как без них, но основная часть населения щеголяла в добротной суконной и крашеной полотняной одежде. Да и про голод в центральных герцогствах давно не слышали, уже лет пятьдесят, если не больше. Эпидемии случались, чародеев и знахарей не хватало, чтобы справиться с ними, а их еще и гнали отовсюду, кроме городов. Потому и мерли люди в случае любой болезни тысячами.

В первые дни пути, пока путники еще не вышли на большой тракт, проселочные дороги оказались почти пусты, окрестности Теймара не были столь населены, хоть и довольно плодородны. Невзирая на почти полное отсутствие запасов еды, путники не голодали. Можно было собирать ягоды и грибы в окрестных рощах, чем Кейсав и Сейла с удовольствием и занимались – грибную похлебку с душистыми корешками, накопанными в ближайшем овраге, как выяснилось, любили оба. Ночевали они обычно в стороне от дороги, найдя ручей или родник, которых вокруг хватало. Несколько раз молодой чародей приманивал зайцев и запекал их в угольях, нашпиговав диким чесноком и травами, которых знал множество – вполне мог бы стать знахарем, знания позволяли. Фаэр хорошо обучил ученика. И продолжал учить.

Когда учитель во время привала впервые проявился, Сейла подняла истошный визг, ее едва удалось успокоить. Она почему-то видела призрака, хотя не должна была. Это сильно удивило Фаэра, он задумался и исчез, велел на прощание Кейсаву преподать девочке основы Искусства. Она этому страшно обрадовалась и принялась терзать юношу вопросами, на которые тот терпеливо отвечал, разъясняя непонятное раз за разом.

К счастью, Сейла, хоть и была совершенно безграмотна, обладала от природы острым и пытливым умом, поэтому без особого труда усваивала то, что преподавал ей Кейсав. И примерно через декаду пути у нее получились первые ученические связки, созданные правильно, с учетом основных векторов разнородной энергии, а не так убого, как она создавала свои огненные шары, вкладывая в них не только энергию, но и свою жизненную силу, что было очень вредно и сильно сокращало жизнь.

Но прежде всего молодой чародей обучил девушку грамоте, чему она очень обрадовалась.

– Я давно просила нашего звездочета, Фанарха, и клоуна, дядюшку Охта, научить меня читать, – утерла слезы радости Сейла, впервые сложив буквы в слово, – но им было лень возиться с деревенской девчонкой...

– Учить способен не каждый, – улыбнулся ей Кейсав. – Многим людям очень трудно доступно объяснить то, что кажется им самим простым и понятным. Особенно это касается мастеров, для которых основы их мастерства настолько естественны, что и слов не требуется. Им непонятно, как это может быть

для кого-то сложным. Они ругают учеников, даже бьют их порой, а ведь те действительно ничего не понимают и пребывают в растерянности. Пытаются понять, но не могут. Им нужны хотя бы два-три предложения, кратко объясняющие нужные действия на привычном для них языке, это сильно облегчило бы беднякам жизнь. Я такое видел...

Молодой учитель действительно сталкивался с подобным в Теймаре. Кузнец с Третьей улицы и плотник с Шестой как-то пожаловались в трактире «Два хвоста», что ученики им достались совсем уж тупые, даже битье палкой по голове не помогает вколотить туда основы мастерства. Кейсав тогда поспорил с ними, говоря, что это они сами непонятно объясняют. И оказался прав, когда, выслушав наставников, передал смысл сказанного простыми словами. Ученики все поняли! Причем сразу, с одного объяснения, и сделали все правильно, оказавшись совсем не тупыми. Кузнец с плотником очень удивились, утверждая, что говорили то же самое, только иначе, но эти идиоты ничего не поняли, а тут вдруг. Однако проспоренный эль Кейсаву поставили. Многие с тех пор звали городского учителя объяснить ученикам нужное. Он не чинился, помогал и принимал простые подношения продуктами. Ему нетрудно, а людям польза.

Да, прошлое никак желало не оставлять молодого чародея в покое, то и дело вспоминалась жизнь в родном городке. Надо поскорее забывать ее, туда он уже никогда не вернется – нечего владеющему Искусством в Теймаре делать. Да и барон Хайседский, чтоб этой старой сволочи к даргалу в ад провалиться, явно не собирался оставлять Кейсава в покое, он ощущал тянущийся из городка поток внимания. А это могло означать только одно – его преследуют. Неудивительно, о мечте барона обзавестись собственным чародеем знали в Теймаре все. Стать таковым будет гибелью мечты и превращением со временем в ничтожество. Так что если Кейсава попробуют вернуть силой, придется сопротивляться. Вреда стражникам, выполняющим приказ, он причинять не собирался. Усыпит, от пары дней сна на свежем воздухе никому вреда не будет. А от простуды чародей защитит спящих особым пологом. Зато если сам барон появится, его надо будет проучить как следует. Чтобы никогда больше не лез к чародеям. Чтобы даже думать об этом забыл!

– Зачем вы идете в Лэр? – по прошествии еще нескольких дней пути поинтересовалась Сейла, долго скрывавшая свое любопытство.

Они как раз остановились на ночлег возле небольшого родника в роще, шагов за триста от дороги, за холмом, в распадке. На разведенном огне булькал котелок с похлебкой из пойманного днем зайца, их в этом году развелось немерено, крестьяне волком выли, отлавливая и отпугивая грызунов, на корню пожирающих урожай, поэтому охотиться на зайцев можно было даже рядом с городами. За их уничтожение наоборот приплачивали в магистратах.

– Мне нужны знания, – вздохнул Кейсав. – Учитель говорил, что в Лэре должны сохраниться старые архивы. Ничего особенного там, скорее всего, нет, но может найтись подсказка, где искать дальше.

– А что вы хотите узнать? – подалась вперед девушка, ее серые глаза так и светились заинтересованностью.

– Многое, – улыбнулся молодой чародей. – Нужно выяснить все подоплеку первой стычки чародеев между собой, что они не поделили, а потом выяснить подробности войны с Даргалом. В ней немалую роль сыграли именно чародеи, причем с обеих сторон, однако ни в одной хронике о них нет ни слова, как будто жреца Шиннаны победили без их участия. Но это же отнюдь не так!

– А что это даст? – простодушно спросила Сейла. – Какая вам разница, кто там и с кем дрался в давно забытые времена?

– Большая, – вздохнул Кейсав. – Понимаете, нынешние чародеи превратились в невежд. Они знают и умеют в десятки раз меньше, чем чародеи древности. Не говоря уже о самих Древних!

– Не вижу связи...

– Все просто. Мне нужны упоминания мест, где жили и обучались сильные чародеи. Дело в том, что мы всегда записываем изученное в гримуары. В древности коллеги поступали так же. И я хочу найти их книги мудрости. Их записи. И не только. Чародеи прошлых лет очень многое прятали под отводом глаз, а то и под пологом невидимости или, паче того, в пространственных карманах. Учитель говорил. И научил меня такие пологи находить и снимать. Да и карман я отыскать и открыть смогу.

– А кто он, этот ваш учитель? – вздрогнула Сейла, вспомнив полупрозрачного призрака.

– Если бы я знал... – развел руками Кейсав. – Но мне не раз казалось, что он не человек, слишком много знает и умеет. Может Древний? Акала? Не знаю. Ходят слухи, что акала живут среди людей, не выдавая себя. Зачем? Что у нас, полудикарей, может быть интересного для древнего, мудрого народа? Опять же понятия не имею. Но иду в надежде отыскать хоть какую-то информацию, разжиться знаниями. Знания – это все, что для меня важно в жизни. Остальное – так, тлен.

– А семья? – задала девушка волнующий ее вопрос, ей этот сумрачный парень с каждым днем нравился все больше и больше, она была не прочь прямо здесь и сейчас отдаться ему, стоило Кейсаву только пожелать.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Если, паче чаяния, найдется способная меня понимать женщина, соратница и тоже чародейка, взыскующая знаний, а не домашнего уюта, то все возможно. Но где ее искать? Учитель говорил, что очень немногие владеющие Искусством имели подруг-соратниц, такие женщины слишком большая редкость. Ведь женщинам обычно нужен дом, дети, достаток, и муж-бродяга, носящийся по развалинам в поисках чего-то неведомого, их не устраивает. Говорят, что многие ученые искатели погибли, как ученые, связавшись с женщинами. Те превратили их зарабатывающих деньги для семьи убогих ничтожеств, уже не способных на полет мысли. Поэтому я предпочту оставаться одиноким. Не хочу становиться ничтожеством!

Сейла потрясенно уставилась на Кейсава. С такой точки зрения она на семью никогда не смотрела. И в тот же момент поняла, что если хочет быть рядом с этим человеком, то должна забыть о естественных для любой женщины попытках свить гнездо и в лучшем случае довольствоваться кибиткой, а то и циновкой у костра. Но ведь такие, целеустремленные, порой многого достигают. Или где-то гибнут. Значит, ее задачей станет, чтобы Кейсав выжил. Придется вместе с ним голодать и холодать, чтобы со временем получить все. Или ничего. Тут уж как получится. Девушке почему-то казалось, что их ждет блистательное будущее. Хотя многим, сгинувшим в неизвестности, наверное, так казалось. Ну и даргал с ними! А для Сейлы главным было оставаться рядом с этим молодым чародеем, она наконец-то призналась себе, что влюбилась в него так, как ни в кого еще не влюблялась. И не упустит любимого, пусть даже подбираться к нему придется долго. Особенно после сказанного только что, он

ведь может воспринять ее чувства, как попытку загнать его в ловушку, и шарахнется прочь.

Разговор как-то сам собой сошел на нет, Кейсав ощущал, что его почти настигли люди барона и слегка нервничал. Похоже, завтра предстоит стычка, барон своеволия не потерпит и сразу прикажет отправляться с ним, забыв о поисках знаний. Придется резко отказать, а это значит, применить свои наработки для того, чтобы отвадить подонка, но так, чтобы с ним ничего страшного не случилось. Если по вине одного из чародеев погибнет кто-то из владельцев, пусть даже мелких и до печенок доставших всех остальных, то за этим чародеем начнут охотиться стар и млад. Да и коллеги спасибо не скажут, им ведь тоже достанется на орехи. Значит, барона надо выставить смешным, не более того. А это что значит? Иллюзия. Но такая, чтобы ему из дома было выйти стыдно. Чтобы на него пальцами показывали и хохотали.

Некоторое время поразмыслив, Кейсав тихо рассмеялся – он придумал, что и как сделать. Барон очень «обрадуется». Может хоть после этого немного успокоится и перестанет тиранить всех, до кого дотянется? Было бы неплохо. Очень уж неприятный человек, жадный, спесивый, полностью уверенный в собственной огромной значимости и полном праве получать все, что только пожелает. Ходили даже слухи о том, что барон Хайседский однажды на деревенской свадьбе повесил жениха и прилюдно изнасиловал невесту извращенными способами, после чего отдал ее на потеху своим дружинникам, отчего бедная к утру и померла в муках. И все это из-за криво сказанного слова, что-то не то и не так, по мнению владельца, жених ему сказал. Многие, ох многие мечтали, чтобы барон наконец нарвался, слишком много мозолей он оттоптал своей бесцеремонной наглостью и бесчеловечной жестокостью.

Утром путники встали, едва рассвело. Быстро позавтракали остатками холодной зайчатины и поспешили вернуться на тракт, уже начинающий заполняться людьми. Для реализации задумки Кейсава их должны были перехватить в людном месте, у случившегося обязательно должны иметься свидетели. Слухи после такого обязательно пойдут. Барон, конечно, может нанять убийц, чтобы отомстить, вот только где эти убийцы будут искать молодого чародея, у которого нет ни кола, ни двора? Так что пусть ищут.

Дорога, мощенная тесаными камнями, стелилась под ноги, правда, иногда пешим путникам приходилось отступать на обочину, пропуская верховые отряды какого-нибудь владельца. Пару раз проехали лэрские гвардейцы в своих хорошо

узнаваемых скошенных на бок шляпах с изогнутыми перьями птицы Рат. Они отпустили несколько сальных шуточек в сторону стайки молодых крестьянок со встречного обоза, на что те ответили веселым смехом и подмигиванием – каждая была не прочь сбегать в кусты с молодым владельцем, это даже самые строгие родители одобрили бы. Принеси потом ребеночка, если, конечно, мальчик уродится, в гвардейские казармы, чародей отцовство установит, и герцог денег столько отвалит, что до старости всей семье хватит. Только вырасти сына, да как повзрослеет, отправь в военную школу в Тисе, городе-спутнике Лэра. Пусть дальше сам свое будущее строит. А коли девка народится, то подростку можно будет в бордель продать, тоже прибыль хороший. Иди замуж выдать, коли богатый жених найдется. На девок с владетельской кровью охочих всегда хватало.

Но гвардейцы проехали мимо, они, похоже, куда-то спешили, и крестьянки разочарованно вздохнули. Но вскоре снова застрекотали, что те сороки. Кейсав, шедший вместе с Сейлой следом за их подводой, поморщился – разговоры велись о размерах «достоинства» деревенских парней в сравнении с гвардейцами, от пикантных подробностей уши вяли. Молодой чародей придержал спутницу и сам замедлил ход, чтобы отстать – слушать все это он ни малейшего желания не испытывал. Сейла поначалу не поняла в чем дело, потом прислушалась к трескотне крестьянок, покосилась на покрасневшего Кейсава и прыснула, уж больно забавный у него был вид – словно съел что-то очень невкусное, но старается этого не показывать.

Внезапно раздался отчаянный детский вопль и чьи-то визгливые причитания. Люди впереди зашевелились, кто-то закричал. Похоже, впереди что-то случилось. Молодой чародей вскинулся и поспешил обогнать резко остановившуюся телегу. За ней, возле повозки с толстыми колесами почти в человеческий рост, которую везли двое огромных быков, убивалась и отчаянно рыдала дородная пожилая женщина, стоя на коленях над кем-то лежащим на камнях, по которым медленно растекалась алая лужа.

– Что случилось? – спросил Кейсав у усатого ремесленника в кожаной одежде, с растерянным видом стоящего неподалеку.

– Да мальчонка задремал и с передка телеги свалился прямо под колеса, – хмуро ответил тот. – Ноги передавило бедняге, вон юшка так и хлещет. Микай попробовал было перевязать, да толку-то, рана выше колен... Щас юшкой истечет... Мамка его вон как убивается, бедная, не уследила...

– Пустите, я чародей!

С этими словами Кейсав решительно направился к обеспамятевшему мальчишке, на ходу готовя исцеляющую связку. Его руки засветились призрачным опаловым свечением. Тело пострадавшего ребенка внезапно вздернуло в воздух, и оно окуталось таким же свечением.

Кейсав выплетал одну связку за другой, так интенсивно он не чародействовал еще никогда. Вот и пригодилась наука Фаэра.

Люди вокруг замерли, никому из них еще не доводилось видеть такого явного чародейства. Кто-то забухтел, что проклятый колдун погубит бедолагу, но его быстро одернули. Большинство сошлось на том, что помятому мальцу сильно повезло, что за их телегой шел чародей, который еще и бесплатно лечить взялся. Никто и не слышал, чтобы они бесплатно лечили, обычно такие деньги за исцеление драли, что только владельцы и купцы у них лечиться могли.

Тело пострадавшего мальчишки тем временем опустилось на камни, свечение исчезло. Он тихо-мирно засопел, шмыгая носом.

– Фух! – вытер пот со лба Кейсав. – Чей малец?

– Мой, ваше чародейство! – поклонилась дородная женщина.

– Будет спать до вечера. Как только в себя придет и попросит, напоить вдоволь. Кормить не раньше утра, мясом и печеными клубнями. Или кашей с салом. Сытно, в общем, до отвала. Дней через пять снова бегать будет. До этого времени вставать не разрешайте, не то калеккой останется.

– Ой, спасибочки вам, ваше чародейство! – еще раз низко поклонилась женщина. – А чего мы вам должны?..

– Ничего, – усмехнулся молодой чародей. – Разве что вон каравай дадите, и в расчете.

В повозке явно путешествовала семья пекаря, поскольку она была под завязку нагружена свежим, душистым хлебом, по которому за время пути Кейсав успел

соскучиться. За его спиной сокрушенно вздохнула Сейла, огорченная бесхозяйственностью спутника. Она бы взяла за исцеление куда больше продуктов, но это было не в ее власти, ей до такого уровня чародейства расти и расти. Девушка подошла, приняла протянутый пекаршей большой каравай и спрятала в котомку, предварительно бережно замотав его в тряпицу, чтобы не зачерствел.

– Это он, господин барон! – заставил всех вскинуться чей-то пронзительный, визгливый даже голос. – Наш учитель бывший!

На Кейсава показывал пальцем какой хилый мужичонка, косо сидевший на лошади – видно было, что ехать верхом ему непривычно, и бедняга давно натер себе все, что только мог натереть. Слева и справа от него ехали по два воина в кирасах, а за ними пожилой владетель в черненой кольчуге и, невзирая на жару, роскошной меховой шапке. В нем молодой чародей узнал барона Хайседского, не раз его видел в Теймаре.

– Ага, догнали! – довольно пробасил владетель, швырнув мужичонке серебряную монету. – Эй ты, едешь со мной!

– С какой это стати? – хмуро поинтересовался Кейсав.

– Я так решил! – отрезал барон.

– Да плевать я хотел на ваши решения! – брезгливо бросил молодой чародей. – У меня своих дел хватает. А вы меня интересуете не больше бродячей собаки.

– Что-о-о-о?! – разъяренно взревел владетель, побагровев от гнева. – Да как ты смеешь, утырок?! А ну-ка, Мирко, Стех, прочтите наглеца хорошенько!

Два воина достали плети, спрыгнули с лошадей и лениво направились к Кейсаву, явно будучи уверены, что сопротивления не последует. Однако не дошли, осели на камни дороги, устроились поудобнее и дружно захрапели.

– Да как ты смеешь?! – растерянно прогудел барон, вытаращив глаза.

В ответ со всех сторон грянул гомерический хохот. На пернатого владельца показывали пальцами, подобного представления люди не видели еще никогда. Барон побагровел так, что, казалось, его сейчас удар хватит, он тяжело, с присвистом дышал, бросая по сторонам отчаянные взгляды, но молчал, понимая, что очередным «Ко-ко-ко» вызовет еще более истерический смех. Владелец с тяжелой, чуть ли не физически ощутимой ненавистью посмотрел на Кейсава, отчетливо скрипнул зубами, резко отвернулся, подошел к своей лошади, вскочил на нее, огрел ни в чем не повинную животину поданной кем-то из воинов плетью и ускакал, изредка оглядываясь и грозя кулаком свидетелям своего позора. Воины подобрали уснувших товарищей, погрузили их в седла и поспешили за своим господином, они, наоборот, не оглядывались, спеша побыстрее скрыться с глаз чародея. Страшные слухи о них оказались правдой!

– Святые боги! – в ужасе выдохнула Сейла. – Ну зачем вы его опозорили?! Он же не простит! Позора ни один владелец никогда не простит!

– Да пусть не прощает, – беспечно отмахнулся Кейсав. – Ничего он мне не сделает, даже найти не сможет. Идем!

И они двинулись дальше по дороге по направлению к озеру Лианор, не обращая внимания на осторожные взгляды других путников, слегка напуганных силой неведомого чародея. Хотя то, как он наказал обнаглевшего владельца, людям понравилось. А перед тем ребенка вылечил. Бесплатно! Каравай платой никто не посчитал, так, мелкая благодарность. Хороший, видно, парень.

Глава 4

Стены великого города постепенно приближались, они выглядели настолько циклопическими, что Кейсав восторженно ахнул. Это ради чего же такие возвели? Какова же была опасность, раз они потребовались? Он читал, конечно, о нашествиях тварей, но, похоже, не представлял, насколько страшны были эти нашествия. А ведь однажды твари преодолели стены Лэра и вырезали половину населения! Кейсав не представлял, как можно преодолеть эти усеянные зубчатыми крючьями и осколками битого стекла стены. Да в них футов двести, как минимум!

– Вы еще не бывали в Лэре? – поинтересовалась Сейла, заметив его удивление.

– Не бывал, – подтвердил молодой чародей. – А вы?

– В предместьях наш балаган выступал, а в сам город мы не совались, там шутов и циркачей не сильно любят, – поежилась, вспомнив что-то неприятное, девушка. – Могли и палками отходить. По слухам, герцог даже своего придворного менестреля не пожалел, когда тот что-то не так спел, сухожилия бедняге перерезали на руках и подышать на улицу выкинули.

От услышанного Кейсав неожиданно для самого себя испытал сильный приступ гнева, даже зубами заскрипел, и удивился этому. Он не раз замечал за собой, что сердится, услышав то или иное, словно у него в памяти стоят некие установки, вызывающие при совпадении нужную реакцию. Странности собственного сознания с детства интересовали молодого чародея, он не раз спрашивал об этом у учителя, но Фаэр всегда уходил от ответа, явно не желая говорить на эту тему. А иногда у Кейсава возникало странное ощущение, будто кто-то другой смотрит его глазами и слышит его ушами. Кто-то бесконечно могучий. Так ли это он не знал, но странные ощущения наводили на нехорошие подозрения.

– А куда мы теперь? – спросила Сейла, явно чем-то обеспокоенная, что становилось ясно при виде подрагивающих губ.

Молодой чародей не знал, что девушка страшно боялась того, что он сейчас ее прогонит, ведь до Лэра они добрались. Куда податься дальше она понятия не имела, да и денег имела всего десять медяков и один серебряный. Но Кейсав уже считал Сейлу ученицей, хоть и не говорил ей об этом, еще не время. Для начала следовало найти в Лэре недорогое жилье, как минимум, на месяц, а то и на полгода – поиски в архивах быстрыми не будут. К тому же до этих архивов еще добраться надо, туда далеко не каждого пускают. Не говоря уже о частных библиотеках немногочисленных чародеев и ученых. Они свои книги берегут, как величайшую ценность.

– Надо найти жилье, – повернулся Кейсав к Сейле. – Нам немало времени здесь провести придется, а денег маловато. Не знаешь, где стоит поискать?

– Лучше в городе-спутнике, в самом Лэре все очень дорого, чуть ли не серебряный в декаду, а в Торе, Тисе и Ирлане втрое, а то и впятеро дешевле, – обрадовано затараторила девушка, понявшая, что ее не гонят. – Дядюшка Охт рассказывал как-то, что однажды целый месяц за полсотни медяков у вдовы Орулы на окраине Ирлана прожил.

Она умолчала, что клоун ночевал в постели самой вдовы, потому и цену с него взяли такую.

– Ирлан, говоришь? – похмыкал Кейсав. – А где он?

– А вон туда идти, миль через пять будет, – махнула вправо от города Сейла. – Там и кормят неплохо в трактире «Три пальца», мы туда обедать ходили, всего за два медяка вкусно поесть можно. Супу целую плошку с ломтем хлеба дают и каши с мясом али рыбой здоровенную миску, я едва съедала столько. Чаще всего Руго половину отдавала, он большой, ему всегда еды не хватало.

– Хорошо, идем сначала туда, – кивнул молодой чародей. – Устроимся, а потом уже поищем библиотеки.

До Ирлана они не спеша дошли еще до того, как солнце миновало зенит. Никаких стен у города-спутника не было и в помине, дома привольно раскинулись на невысоком холме, под которым протекала небольшая речушка, впадающая в виднеющееся вдали озеро. Ни одного здания выше трех этажей Кейсав не заметил, в отличие от самого Лэра, где, по слухам, встречались и десятиэтажные башни. Как их только выстроили? Без чародейства однозначно не обошлось, иначе на такую высоту каменные блоки не поднимешь.

Людей на нешироких, мощеных грязно-белым камнем улицах оказалось не слишком много, как позже узнал молодой чародей, местные жители большей частью работали в Лэре и домой возвращались только поздно вечером. Нищих на улицах не было совсем, в отличие от Теймара, где их хватало.

– Здравствуйте, уважаемый! – поклонился Кейсав сидящему на лавочке у порога местного трактира старику.

Подобные старики в небольших городах обычно знали все и всех, поэтому поговорить с ним стоило, можно было выяснить куда больше, чем у кого-либо

другого. Главное, уважение выказать, тогда к тебе и отнесутся хорошо.

– И тебе здоровья, парниша, – степенно ответил тот, окидывая его оценивающим взглядом. – Хотел чего?

– Позвольте вас угостить, – улыбнулся ему чародей. – Вы, я вижу, человек умный и знающий, хочу у вас совета спросить, дедушка.

– Угостить? – утер усы и сглотнул слюну старик. – Эт-то можно. И совета не жалко хорошему человеку.

Кейсав покосился на Сейлу, сунул ей в руку медяк, девушка понятливо кивнула и скрылась в трактире, буквально через минуту вернувшись с двумя кружками эля. Старик ухватил одну, довольно ухнул и тут же окунул усы в пену. Молодой чародей взял вторую и сел рядом с ним, тоже отпив пару глотков. Эль оказался просто великолепный, душистый и крепкий, в Теймаре такого не варили. Интересно будет рецепт узнать, пригодится на будущее.

– Так чего тебе за совет-то, парниша, нужен? – утолив первую жажду, поинтересовался старик.

– Я приехал по поручению моего мастера, искать книги по нашему ремеслу, – не уточнив, какое именно ремесло имеется в виду, сказал Кейсав. – Это дело небыстрое, жить где-то надо. А в самом Лэре дорого...

– А то! – кивнул местный житель. – Дерут стоко, что мало кто платить может. У нас всяко дешевле. А ты не буйный?

– Да что вы! – возмутился молодой чародей. – Мы с ученицей люди тихие, нам бы место поспокойнее, чтобы подальше от трактиров и пьяных бузотеров.

– Ну тады к вдове Митрачихе, она вчерась квартиранта спровадила, – кивнул старик. – Оно хорошо, что ты со своей бабой, знать девок водить не бушь, Митрачиха энто дело сильно не любит, коли шлюху притащишь, сразу погонит, как энтого погнала. А так и жратву может готовить, коли доплатишь, а готовит она... – он восторженно заплямкал губами. – Руки по локоть обглодать можно! Коли договоритесь, доволен бушь.

– Благодарю вас, дедушка! – наклонил голову Кейсав. – А где ее искать?

– Да вон по той улице три квартала пройдешь, потом налево свернешь, еще два – и направо, через четыре улицы увидишь дом с красной, щербатой крышей. С мансардой. На ей флюгер, птица Рат. Тама Митрачиха обитает. Мансарду энту и сдает, две комнатейки и кухня. Вход отдельный. Скажешь, что тебя дедка Филадор послал.

Молодой чародей дал Сейле вторую монетку, чтобы она принесла еще эля, что девушка тут же и сделала, про себя удивляясь, как быстро ее спутник решил вопрос с жильем. Внутри у нее все пело – Кейсав назвал ее ученицей! И жить они будут вместе! А значит то, чего ей так хочется, само собой случится, надо будет только иногда то ногу, то бедро, то грудь показывать, он и не выдержит. Мужчиными легко манипулировать. Особенно молодыми. Им нижняя голова чаще всего верхнюю заменяет. Так говорила старая гадалка Лагута, обучавшая цирковых девушек угождать сильному полу. Не всем пошла впрок ее наука, но кое-что Сейла усвоила, хоть и отказывалась ложиться с гостями за деньги, как требовал от женщин балагана даргалов Шаэр. Поскольку она была чародейкой, хозяин не настаивал, только недовольно поджимал губы и бурчал, что дура могла бы куда больше заработать, бедным не по карману стыдливость. Девушка не обращала внимания на его бурчание, она ждала своего единственного. И вот, дождалась.

С поклоном преподнеся Филадору еще одну кружку, Кейсав от души поблагодарил его, попрощался и двинулся по указанной улице, провожаемый пожеланием удачи. Не зря говорят, что вежливость дешево стоит, но очень дорого ценится. Прав был учитель, когда утверждал, что надо с уважением относиться к любому человеку, пока тот своим поведением того заслуживает. Сегодня молодой чародей получил очередное подтверждение его словам.

Искомый дом с красной черепичной крышей, давно требующей ремонта, отыскался там, куда их с Сейлой направил старик. Во дворе месила тесто в большой бадье высокая, черноволосая, пожилая женщина, все еще имеющая идеальную, хоть и массивную в нижней части фигуру и приятное лицо, которое слегка портили морщины в уголках губ и на лбу. Ох, и красавицей же она была в молодости, понял чародей. Разве что высокая очень, выше его самого на голову, а он был куда выше среднего роста.

- Желаю здравствовать, уважаемая! – поздоровался Кейсав, подойдя к калитке, Сейла стояла за его спиной тихо, как мышка.
- И тебе поздорову, парниша, – выпрямилась женщина. – По делу али как?
- Нас дедушка Филадор прислал, – объяснил молодой чародей. – По поводу жилья.
- А, постояльцы, – сразу подобрела Митрачиха. – Надолго?
- На полгода где-то, – немного подумав, сказал Кейсав. – Готов вперед заплатить. Мы вдвоем.
- Жена? – перевела взгляд на смущенную Сейлу хозяйка.
- Нет, ученица.
- То твое дело, но сразу говорю, что как ее крыть станешь, чтоб не орали, как коты резаные.
- Девушка от этих слов залилась краской по самые брови и тихонько замычала, протестуя.
- Ну чего мычишь? – покосилась на нее Митрачиха. – Дело житейское. Чтоб молодые баба с мужиком в одной комнате жили, да не спали вместе? Не бывает такого. Но то ваше дело, мне оно не надо. Вам с едой, али нет?
- Я только ученица! – едва слышно пискнула Сейла, вызвав скептическое хмыканье хозяйки.
- А сколько будет вместе с едой дважды в день, утром и вечером? – осторожно поинтересовался Кейсав, пропустив скабрзные слова Митрачихи мимо ушей.
- Пять медяков в день, – немного подумав, сообщила хозяйка.

– Значит, за полгода – девять серебряных монет, – быстро посчитал в уме Кейсав, вызвав тем самым удивленный взгляд вдовы.

– Хорошо считаешь, парень, – кивнула она. – Там чуток больше, не каждый месяц тридцать дней, но лады, хай будет девять серебряков, согласна. Постель перестилаю раз в полторы декады, полы пусть твоя девка сама моет, небось руки откуда надо выросли, вона, какие мозолистые. Умеешь по хозяйству обходиться?

– Чай не безрукая! – обиделась Сейла. – В деревне росла!

– Вот и лады, – усмехнулась Митрачиха. – Ты на меня, девка, не обижайся, я попростому. Ну чего, договорились?

– Договорились, – кивнул Кейсав.

После чего достал свой тощий кошель и отсчитал девять серебряных монет, отметив про себя, что осталось всего четыре. Придется озаботиться поиском денег. Фаэр говорил, что в Лэре их найти не проблема, надо только ему напомнить, он объяснит как. А то на четыре серебряных не особо разгуляешься, им с Сейлой только на обеды хватит, причем всего на два с половиной месяца, и это при жесткой экономии. А ведь деньги нужны не только на еду, но и на одежду. Да, пусть зима на Лианорской равнине и теплая, но есть, поэтому одежда потеплее все равно понадобится, а она тоже стоит денег. Так что надо будет попробовать этим же вечером дозваться до учителя.

Мансарда оказалась небольшой, но довольно уютной. Вот только кровать была одна, хоть и большая, что сильно смутило Кейсава, он не знал, как отреагирует на это Сейла. К его удивлению, она очень обрадовалась, заверив хозяйку, что ничего менять не надо, и так все хорошо. Правда, долго размышлять над этим обстоятельством молодой чародей не стал, он уже был весь в мыслях о предстоящем поиске книг. В какой-то момент ему пришло в голову, что хозяйка, как местная жительница, может что-то знать.

– Простите, матушка, позвольте задать вам вопрос? – с поклоном обратился Кейсав к Митрачихе.

– Задавай, сынок, – с улыбкой ответила та, ей явно понравилось такое обращение.

– Вы не знаете, у кого в Лэре есть библиотеки со старыми книгами? – так и подался вперед молодой чародей, его сжигало нетерпение.

– Библиотеки? – задумалась хозяйка. – Ну, у герцога, понятно, ею мэтр Луаний заведует, сильно противный старикашка, у него и тряпки грязной не выпросишь. Потом чародей городской, Тифаний, хвастался, что у него цельных триста книжек, и еще двое из их братии – Колад и Хаор, у тех поменьше, но к ним и не подступись, носы до потолка дерут. Еще у доктора Кинпа тоже книжки есть. Ну и мэтр Осанх, у его библиотека для всех открыта, токо дорогая – за вход цельный серебряник берет, правда, потом три месяца пускает. Токо никто к нему не ходит, дорого. Чего там у его есть не знаю.

Кейсав от ошеломления даже отступил на шаг. Он и не подозревал, что в Лэре есть публичная библиотека! По словам учителя, таковые были только у акала, а у людей ничего подобного нет, и не предвидится.

– А где эта библиотека? – глаза молодого человека буквально загорелись, он не мог найти себе места и пританцовывал, настолько ему не терпелось добраться до книг.

– На улице Роз, семнадцатый дом, это направо от шестнадцатой кольцевой, – с улыбкой ответила Митрачиха. – Ты только, сынок, помни, что в десять вечера ворота города закрывают, а тама на улице не переночуешь, стражники заберут, пока выяснят, кто ты таков и чего на улице спал, дня три в холодной проведешь, а то и больше. И штраф ого-го какой заплатишь. А ночлег в Лэре дорого обходится, после закрытия ворот по тридцать медяков дерут, а то и больше. Хозяева ночлежек не дурье, знают, что коли выхода нет, скоко угодно заплатишь, чтоб в холодную не загреметь. Ведь тех, кого три раза поймали, на каменоломню ссылают, а тама долго не живут. Так что ты лучше, как девять раз городской колокол пробьет, иди на выход.

Кейсав нахмурился – новость была крайне неприятной. Беда только, что он может увлечься чтением и забыть обо всем на свете. Придется просить Сейлу обращать внимание на колокол, а то неприятностей не оберешься. В тюрьму попадать молодому чародею совсем не хотелось. Хотя стоп, а про отвод глаз он

почему забыл? Вполне можно его использовать, тогда никто не обратит на идущего внимания, кроме другого чародея, а они вряд ли шляются ночью по городу, их на весь Лэр то ли четверо, то ли пятеро.

Еще раз поблагодарив Митрачиху, Кейсав оставил на хозяйстве Сейлу, попросив убраться в комнатах, и понесся в Лэр, стремясь поскорее добраться до библиотеки. Через два часа он миновал восточные ворота и ненадолго замер в ошеломлении от размеров древнего города – он оказался попросту гигантским, да что там, циклопическим, словно его строили не для людей, а для каких-то совсем других существ куда больше размером. Узких улочек, привычных по другим городам, не было – на каждой улице Лэра могли легко разъехаться три, а то и четыре подводы. Стены домов были из полированного, но при этом матового камня, а мостовая выложена шершавыми плитами, по которым не скользили ноги. Из чего они были сделаны? Трудно сказать, на вид как будто камень, но звук, если постучать, совсем другой. Какой-то гулкой, словно внизу находились какие-то помещения. Но подземных ходов под Лэром, насколько известно, не было. По крайней мере, никто о них никогда не слышал.

Едва Кейсав миновал ворота и оказался внутри стен старого города, он остановился и принялся пожирать глазами причудливые, высокие дома и толпы ярко одетых горожан. А их здесь действительно было не счесть. Люди вились вокруг, подобно стае мух вокруг известного вещества, орали, махали кулаками, кого-то уводили стражники, кто-то падал, через него переступали и шли дальше, потом беднягу утаскивали городские работники в черных, кожаных фартуках с заклепками. Последнее молодому чародею очень не понравилось – похоже, люди здесь потеряли такие человеческие качества, как сочувствие и милосердие.

Несколько раз кто-то пытался добраться до его кошелька, но тот был защищен показанными Фаэром связками и взять его в руки мог только хозяин, для всех остальных это был призрак кошелька, иллюзия, сквозь которую проходили пальцы. Один раз Кейсав даже обернулся, зажег на пальце крохотный огонек и насмешливо посмотрел на особо наглого вора, никак не желающего отстать. Тот злобно прошипел что-то сквозь зубы, но связываться с чародеем не рискнул и растворился в толпе. Ножа в бок Кейсав не опасался, поскольку почти постоянно носил на себе зачарованный еще учителем оберег, способный выдержать удар тяжелого боевого топора. Он настолько привык к этому оберегу, что даже на время сна не снимал его.

Спросив у прохожего, как найти улицу Роз, молодой чародей поспешил по указанному тем маршруту. Мимо мелькали бесчисленные лавки и магазины, в которых чем только ни торговали, провинциал просто не знал, для чего предназначено большинство этих товаров. Его порой хватали за рукава зазывалы, из-за чего пришлось короткой связкой усилить возможности оберега, и чужие руки начали соскальзывать.

Кейсаву понравилось, что в городе не воняло, в отличие от Теймара, где помои порой просто на улицу выплескивали. Учитель говорил, что в Лэре за это дерут такие штрафы, что любой разорится, вот горожане и опасаются творить, что в голову взбредет. Плюс древние чародеи что-то там придумали, какую-то канализацию, он едва запомнил сложное слово. В итоге помои и мусор свозили в специальное место за городом, где все это сбрасывалось и сливалось в глубокие подземные пещеры. Как конкретно это делалось, Фаэр не знал, поэтому не останавливался подробно на данном вопросе, только упомянул.

Улица сменялась улицей, пока Кейсав не оказался на огромной площади, все обочины которой усеивало множество откровенно одетых молодых женщин самого разного вида, от красавиц до откровенных уродок. К ним то и дело подходили мужчины, что-то говорили, после чего либо уводили женщин с собой, либо уходили восвояси. Кейсав выругался про себя. Прохожий, у которого он спрашивал дорогу, похоже, решил подшутить над приезжим и направил его в квартал шлюх. Нет, против последних молодой чародей ничего не имел, сам в юности лишился невинности с черноглазой красоткой Ларди, работавшей при трактире «Два хвоста». Причем, по требованию учителя, которого не устраивало, что ученик после шестнадцати только о женщинах и думает. Вот и отправил его к шлюхе, чтобы мозги прочистились. Помогло, Кейсав тогда сбросил напряжение и с новой силой вгрызся в учебу. О своей первой женщине он всегда вспоминал с благодарной улыбкой и не раз потом к ней наведывался. Однако сейчас ему было не до шлюх, и молодой чародей поспешил миновать Чумную площадь, как это место называли в городе. Некоторые девицы кокетливо подмигивали симпатичному высокому парню, а некоторые, самые наглые пытались схватить за рукав, обещая райское наслаждение, но их руки соскальзывали благодаря оберегу. Вскоре Кейсав миновал площадь и ушел в одну из боковых улиц на другой ее стороне.

Как ни удивительно, он оказался недалеко от улицы Роз и, пройдя еще три квартала, вышел на нее. Семнадцатый дом пришлось искать довольно долго, на вопросы о библиотеке местные жители только пожимали плечами. Наконец

одна пожилая женщина ткнула пальцем в стоящий в тени большого дома двухэтажный особнячок с башенками по бокам. Кейсав от всей души поблагодарил ее и поспешил постучать в дверь указанного особняка. Довольно долго ничего не происходило, а затем дверь приоткрылась, явив миру очень недовольного, востропанного старичка с перьями в седой шевелюре, всем своим видом говорящего: «Ну и какого даргала меня разбудили?»

- Извините... - растерялся Кейсав. - Добрый день... Это библиотека?..

- Библиотека, библиотека... - раздраженно проворчал старичок. - А тебе она по какой надобности?

- Хочу понять, что привело к Первой войне чародеев и как она проходила.

- Вот как? - удивленно заломил бровь мэтр Осанх. - Ну, заходи, юноша, заходи, давно таких пытливых не видал. Цену знаешь?

- Да, - кивнул Кейсав, вошел и достал их кошель одну из своих последних четырех монет. - Вот, возьмите.

- Хорошо, - покивал библиотекарь, пряча деньги куда-то. - Идем. Только сразу скажу, что у меня далеко не все есть по тому периоду. Многие остались в утерянных личных библиотеках великих чародеев. Еще кое-что есть в герцогской, но тебя туда не пустят, сам понимаешь.

- Не пустят... - уныло отозвался молодой чародей, все еще надеющийся каким-то хитрым способом пробраться в указанную герцогскую библиотеку, хоть умом и понимал, что это, скорее всего, невозможно.

Мэтр Осанх привел Кейсава в небольшой зал, весь уставленный полками, на которых располагались фолианты и пергаментные свитки. Их было не слишком много, где-то около двухсот-трехсот, на первый взгляд.

- Вон там нужное тебе, - показал старичок в левый угол. - Вон стол, вон станок для чтения свитков. И смотри мне, осторожно с книгами обращайся, а то знаю я вас, молодых разгильдяев!

– Что вы! – прижав руки к груди, возразил чародей. – Для меня книги – святое!

И буквально ринулся в указанный угол, начав рыться в свитках, а там были, в основном, не фолианты, а именно свитки, причем написанные на почти к этому времени забытом языке акала.

Библиотекарь некоторое время с интересом наблюдал за ним, но убедившись, что посетитель действительно бережно обращается с книгами, отвернулся. В то же мгновение перед ним слегка засветился воздух, стягиваясь в призрак старого человека с пронзительными серыми глазами.

– Вот так-так! – всплеснул руками мэтр Осанх. – Фаэргренн?! Так ты перешел?

– Уже пару лет как, – проворчал упомянутый. – Здравствуй.

– И тебе хорошего посмертия. Чего хотел-то?

– Помоги парню. Это мой ученик.

– Ты взялся учить человека?! – полезли на лоб глаза незаметно изменившегося старика, по этим изменениям сразу становилось ясно, что библиотекарь на самом деле акала. – Ты забыл, чем это заканчивается?! Совсем на старости лет с ума сошел?!

– Он не просто человек, – усмехнулся призрак, тоже превращаясь в акала, которым, впрочем, всегда и являлся, только ученик об этом не знал. Да и не надо ему было этого знать. Рано. – Посмотри особым взглядом, сам все поймешь.

– Даже так? – вздернул брови мэтр Осанх.

Он повернулся к погружившемуся в чтение какого-то свитка Кейсаву и расфокусировал взгляд. Некоторое время смотрел, потом ошалело помотал головой. Старик выглядел стукнутым пыльным мешком из-за угла, глаз стали чуть ли не квадратными.

– Чей? – хрипло спросил библиотекарь.

Перед призраком сформировалась иллюзия идущего над бездной по канату шута в сине-черно-серебряном трико.

- Так он вернулся?..

- Вернулся. И очень недоволен тем, во что за время его отсутствия превратился мир. А особенно - люди. И да, он позволил рассказать тебе о его возвращении. Под клятву, естественно.

Мэтр Осанх коротко кивнул и дал поддержанную чародейской связкой клятву молчать о возвращении принца Разума.

- Остальные управители не знают? - хрипло спросил он, ощутив, что клятва легла на душу тяжким бременем.

- Нет, - отрицательно покачал головой призрак. - Сам посуди, это они допустили такое и не остановили Шиннану, пока это можно было легко сделать, очистив мир от энергии Падальщика. Я не понимаю, почему это не было сделано. А ты?

- Я тоже... - вздохнул мэтр Осанх. - И никто из наших не понимает. Но молчим, не нам вмешиваться в дела принципов и соответствий.

- А сколько всего наших в городе? - поинтересовался Фаэргренн.

- Двенадцать.

- И Лидара?

- И Лидара, - подтвердил библиотекарь. - Она себе интересное место избрала для наблюдения за людьми. Подавальщицей в популярном трактире. Ну, а мы с Луанием по старинке и по привычке с книгами возимся.

Немного помолчав, он спросил:

- Парню открыть сразу все?

– Ни в коем случае! – вскинулся призрак. – Ценится только то, что добыто в трудах и сражениях. Поэтому дай ему наметки для дальнейших поисков подземных городов, посоха Фаэроль и книг Великого Тетроса, потом аккуратно выведи на какого-нибудь старого мастера из наших, пусть тот даст еще несколько намеков. Желательно, чтобы парень к зиме добрался до Тайгарских гор, лучше всего к Луадару или Ускелану. Оттуда до Кейт-Арана рукой подать. И расскажи, где жили самые известные людские чародеи, пусть пороется в развалинах их замков. Там немало интересного сохранилось.

– Понял, – кивнул мэтр Осанх. – Толковый малый?

– Весьма и весьма, – заверил Фаэргренн. – Ему многое предстоит, сам понимаешь. Но если не сумеет стать тем, кем должен, то пусть лучше сгинет, чем станет еще одним Даргалом...

Двое акала, живой и мертвый, некоторое время молча смотрели друг на друга, затем кивками распрощались. Призрак растворился в воздухе, а библиотекарь поковылял искать рукопись, которую хотел подложить молодому чародею. Ему будет полезно ее почитать, кое-что важное поймет.

Глава 5

Найра, не так давно выбравшая себе это сценическое имя, поскольку доставшееся от родителей, Далия, ей очень не нравилось, было самым обычным, мягким, никаким, звучало слабо, а отличие от избранного псевдонима – словно ворона каркнула, тяжело вздохнула. В последнее время юная гадалка не находила себе места. Наставница, матушка Лагута, обучавшая девушку искусству гадания, помимо прочего, нужного в балагане, говорила, что когда наступает такое вот тревожное состояние, то следует ждать особого провидческого транса. Он может накатить внезапно, и лучше всего, если это случится ночью – не напугаешь никого своим потусторонним видом и закатившимися глазами.

Девушка съежилась, принявшись растирать себе плечи – ее бил озноб. Таких сильных преддверий к видению еще никогда не бывало, а это может значить только одно – высшие хотят через нее предупредить мир о чем-то страшном. Это

пугало, но Найра понимала, что от нее ничего не зависит. Ведь ей дали провидческий Дар, о чем, гадалка, впрочем, не распространялась, делая вид, что обычная шарлатанка. Так намного проще. Побить за не понравившееся предсказание могут? Ничего, стерпит, не впервые. Тем более, что теперь за всех них, актеров, сказителей, гадалок и музыкантов, вступается небесный покровитель, Канатоходец, Танцующий бог. Найра часто видела его в транс идущим по канату над Бездной. Но ни разу не решилась в эту Бездну всмотреться, помня старую истину, что в этом случае Бездна может начать всматриваться в нее. И это станет ее концом. Да и матушка Лагута предупреждала никогда такого не делать, чревато безумием.

Транс приближался, Найре становилось все холоднее с каждым мгновением, ей казалось, что тело словно застыло в ставшем ломким воздухе, настолько ломким, что еще мгновение – и он осыплется битым стеклом, лишив людей и животных возможности дышать. Девушка оперлась об одну из несущих балок фургона, ее трясло, глаза закатились, она страшно боялась проглотить язык и задохнуться – такое иногда случалось с впавшими в особо глубокий транс гадалками.

Фургон тем временем остановился, циркачи с гомоном выбрались наружу и принялись обустроивать привал. Кто-то побежал за водой, еще кто-то, взяв сеть, поспешил поймать нескольких зайцев, от которых высокая трава на берегу недалекой речушки словно кипела. Они были настолько жирные, что даже не убегали, только прижимались к земле и дрожали, поэтому ловить грызунов никакого труда не составляло, даже стрел тратить не понадобилось.

Актеры весело переговаривались, они пребывали чуть ли не в эйфории – первое же представление в большой деревне дало такие сборы, которые никогда не получал балаган Шаэра. Зрителям очень понравилось представление, повествующее о трех героях древности – каливре Хэлдре и двух охотниках из Древнего леса, Кунаре и Зерт. Роль последней досталась Тайре, поскольку она, как и ее героиня, была отличной лучницей и могла держать в воздухе до трех стрел одновременно. Майт отлично срежиссировал спектакль, он получился очень красочным, ярким и необычным. Тайра поражала бросаемые силачом Руго мишени в воздухе не просто быстро, но еще и красиво – она великолепно смотрелась в сшитом самостоятельно кожаном костюме лесной охотницы. Изображать каливру пришлось сразу двум актерам – Итане и Макоту. Специфический южный акцент гимнастки придавал речи Хэлдры особый шарм, показывая ее чуждость людям. Жители Тимаса, деревни, в которой театр Майта

дал первый спектакль, рукоплескали, свистели и вызывали актеров на импровизированную стену – они ничего подобного в своей жизни еще не видели. А потом буквально завалили караван продуктами – денег у крестьян никогда много не было, за редким исключением, зато съестных припасов хватало. И театр теперь был обеспечен ими на добрый месяц, если не больше. Однако их, особенно крупы, предпочитали приберегать на черный день. Зачем тратить припасы, когда зайцы вокруг буквально кишат?

– А где Найра? – поискала взглядом подругу Итана.

– Не видно, – озабоченно ответила Тайра. – Может, того... в кусты побежала?

– Щас в фургоне гляну, – недовольно проворчал дядюшка Охт.

Клоун с явно заметным неудовольствием встал с облюбованного им плоского, удобного камня, и двинулся к фургону с тремя канатоходцами на боку, забрался в него и ненадолго затих.

– Эй, сюда, девчужке плохо! – высунулось из дверцы его встревоженное лицо.

Итана всплеснула руками – опять с ее невезучей подругой что-то случилось, подобрала юбку и опрометью ринулась к фургону, буквально влетела в него, протиснулась мимо дядюшки Охта и резко остановилась, увидев Найру, сидящую на полу, опершись об несущую балку. Ее глаза закатились, изо рта стекала струйка слюны, гадалку били судороги, она выгибалась и стонала, тряслась и то белела, то краснела. Короткие белые волосы Найры сбились в колтуны, словно их не мыли месяц, хотя девушки театра на прошлом привале нашли мыльный корень и как следует вымылись в ручье, в том числе и волосы хорошенько промыли. Что же с ней такое? Не сразу до Итаны дошло.

– Стойте! – подняла руку гимнастка. – Это провидческий транс! Ее нельзя трогать! Ни в коем случае! Ей боги пророчество послали!

Актеры послушались ее, все слышали, что гадалкам во время трансa мешать нельзя, можно проклятие отхватить ни за что, ни про что. Они сбились у противоположной стены фургона, разве что Руго не поместился в нем и только сунул голову внутрь.

Найру продолжало трясти, и продолжалось это довольно долго. В итоге дядюшка Охт на пару с Майтом принялся разгонять актеров – ужин за них никто не приготовит. Еще даже дрова не собраны! Возле гадалки осталась только Итана, она принесла воды и принялась промакивать пот со лба подружки влажной тряпицей. Та все время вскрикивала, дергалась, казалось, она видит что-то неизмеримо страшное, даже жуткое. Гимнастка не раз наблюдала провидческие трансы и у Найры, и у матушки Лагуты, но не такие глубокие. На сей раз ее подругу постигло какое-то очень масштабное видение.

На улице тем временем успели сварить вкусную заячью похлебку с травами, а трех зайцев запекли в угольях с клубнями, которых крестьяне Тимаса надавали несколько ведер, но долго хранить их в такую жару было нельзя. Итане даже принесли миску с похлебкой в фургон, и гимнастка ее с удовольствием выхлебала, не отрывая глаз от стонущей Найры. Она едва успела отставить опустевшую миску в сторону, как гадалка вдруг перестала стонать и открыла глаза. Повела ими по сторонам, остановилась на подруге и тихо заплакала.

– Мне страшно, Итана... – шептали ее пересохшие губы. – Мне страшно... Нас ждет что-то ужасное... Твари... Они снова придут... Книга... От нее надо избавиться... Она... Здесь?.. Я не знаю... Мне страшно...

– Что ты видела? – подалась вперед гимнастка.

– Твари... Лэр... Нашествие... Книга... Война...

– Ты о чем это?.. – растерялась Итана.

– Грядет новая великая война чародеев... – шептала Найра, ее глаза лихорадочно блестели. – Не знаю когда, но скоро... Лет через двадцать, не больше... А до нее – твари... Много тварей... Ворвутся в Лэр, если не остановить...

– О, боги! – обхватила свои щеки ладонями гимнастка.

Немного успокоившись, она задумалась. Потом решительно заставила подругу встать, буквально вытащила из фургона, усадила возле костра и сунула в руки миску с похлебкой, сухарь и ложку. Вкусный запах заставил проголодавшуюся

Найру начать хлебать юшку. А поев, она тоже успокоилась, и уже без паники рассказала о своем видении.

– Я видела стаю тварей, появившуюся ниоткуда, они словно вышли из тени скал, вот их не было – и вот они есть, как будто ветер холодный подул и чей-то злобный смех раздался... – гадалка обхватила свои плечи руками, выглядя вострепанной певчей птичкой. – Они резали всех на своем пути... Была ранняя осень, листья все золотые... Твари пронеслись, как ураган, а потом ворвались в Лэр... Сначала все города-спутники вырезали, а часть кинулась к стенам... Ворота закрыть просто не успели... Там такое творилось... Их чародеи остановили... И с ними тот парень был, что с Сейлой дрался и Шаэра высмеял... Только город все равно почти весь вырезали...

– Ох, ты ж... – помрачнел дядюшка Охт. – Осенью, говоришь, это будет?

– Да...

– Знать, надобно отписать герцогу в канцелярию и всем чародеям Лэра тоже. Только тайно, своего имени не называя. Пусть думают. Не поверят? Их дело. А нам от Лэра лучше подальше держаться. К Зерту двинемся, вокруг озера Лианор. Там народу хоть и поменьше, зато безопаснее. Да и на юг потом податься можно будет, там, по слухам, сейчас балаганы привечают.

– Так там, говорят, тоже твари по степям бегают, – напомнил Макот.

– Уже много лет, как их не видали, – возразила акробату Итана, которой очень хотелось побывать в родных местах. – Разве что ближе к Дальнему лесу, который вокруг озера Оланор. А возле рек Кхайна, Майха, Айна и Дайрхана уж лет пятьдесят ни одной стаи не появлялось.

– Там поглядим, – отмахнулся клоун. – Еще чего видала?

– Да... – подтвердила Найра. – Книгу... Страшную... Не знаю, что за книга, только жутью от нее веяло такой... А потом мальчишку видела. Лет семи-восьми. Может, десяти. Мы его подобрали, и он с нами поехал на север куда-то. И знаю, что коли мы его не подберем и не поможем добраться куда надо, то всему миру плохо будет. Не знаю, почему...

– Ну, коли встретим, поможем, – прогудел Руго, заботливо укутав улыбнувшуюся ему гадалку шалью, поскольку стемнело и стало прохладно. – На вот лучше зайчатины печеной поешь с клубнями.

Человек-гора протянул девушке миску с указанным блюдом и проследил, чтобы она съела все до последнего кусочка. А потом напоил горячим травяным отваром. После еды Найре немного полегчало, но дрожь все так же не уходила. Перед глазами почему-то стояло не нашествие тварей, а книга. Очень богато украшенная книга, в обложке несколько белых самоцветов, такую, наверное, можно очень дорого продать ценителям. Вот только можно ли ее продавать? Гадалка не знала, да и не было у нее никакой книги.

– Жаль, конечно, что в Лэр не попадем... – вздохнул Майт. – Я думал там еще актеров поискать, нас все же маловато для полноценного театра, да и сборы там такие, как нигде.

– Ничего страшного, – возразил Иралиан. – Зерт, хоть и поменьше будет, но там наших, без дела шляющихся, тоже хватает. А потом можно будет и в Олантан заглянуть, как раз ко времени большого карнавала поспеем. Да и на юг в преддверии зимы стоит двинуться, чтобы не мерзнуть. В тот же Шейнар, хотя бы. А там и до Тарихарада можно сходить.

– Тоже вариант, – покивал сказитель.

Еще немного поговорив, актеры расползлись по своим фургонам. Завтра следовало выехать пораньше, тем более, что придется сворачивать на юг, к берегу Лианора, а это значило, что придется с дороги и двигаться через степь. Несколько дней пути по безлюдным местам предстоят, прежде чем доберутся до городка Файдорг. Оттуда, кстати, можно будет и отправить письма в герцогскую канцелярию и чародеям.

Не так давно, лет десять назад, в Дэлоуэ возникло новшество – почтовая служба, через которую, заплатив немного денег, можно было отправить письмо куда угодно, хоть на юг, в Наро, Лиатхан и даже Интар, хоть в окрестности Древнего леса, хоть в Город Мастеров, хоть к озеру Оланор и Нурлану. Кто эту службу содержал хотели бы выяснить многие владетели, но ни у кого не получилось – на всех посылках и письмах стояла чародейская защита, а работники понятия не имели, кто хозяин. Почту возили караванами, пусть это было и медленно, зато

надежно. Правда, из Таламара в Наро письмо могло идти больше полугода, очень уж далеко. Поначалу почтовые караваны пытались грабить, но никто не смог к ним даже приблизиться, и вскоре попытки прекратились – смысла не было. Поняв это, к почтовым караванам начали присоединяться купцы, которых разбойники за последнее время достали до самых печенок. В итоге через три года грабежи на торговых трактах стали намного реже – мастера Таламара предложили к продаже дешевые боевые амулеты, способные обращать нападающих в пепел. Разбойники тоже хотели жить и быстро поняли, что их ремесло стало слишком опасным, чтобы им и дальше заниматься. Разве что на горных и южных караванных трактах дело обстояло иначе, там, по слухам завелись крайне жестокие шайки, не оставляющие в живых никого, и амулеты против них почему-то не спасали. Только хорошая охрана, а это было очень дорого, мало кто мог себе позволить нанять достаточно охранников или опытного чародея.

Найра дольше всех сидела у постепенно гаснущего костра, бездумно глядя в огонь, и не понимала, что с ней такое происходит. Ее почему-то беспокоило не предстоящее нашествие тварей на Лэр, а книга, которую гадалка видела в конце видения. Роскошная книга, большая, украшенная четырьмя белыми драгоценными камнями на углах. Она висела в воздухе, окутанная мягким сиянием, от одного вида которого у Найры душа в пятки уходила.

Внезапно девушке вспомнился прощальный разговор с наставницей, матушкой Лагудой. Та долго смотрела ученице прямо в глаза, словно пытаясь проникнуть в самую душу. Найре было сильно не по себе от ее взгляда. А затем старая гадалка уронила несколько слов, которые и до сих пор остались для девушки загадкой:

– Мое время вышло. Теперь тебе хранить.

Что хранить?! Почему время вышло? Что вообще происходит? Ни на один вопрос матушка Лагута не ответила, только грустно улыбалась. А утром собрала котомку и незаметно исчезла из балагана. Ее долго искали, но не нашли. И ведь никому не сказала, что уходит...

Стоп, а ведь после наставницы остался какой-то сундучок в углу фургона. Заброшенный тряпками и всяким хламом, накопившимся за годы кочевой жизни, он не привлекал ничьего внимания. Кстати, странно, Кен недавно рылся в этом хламе, но на сундучок даже не посмотрел, его взгляд с него словно

соскальзывал. А может, и соскальзывал?

Найра, словно сомнамбула, встала и забралась в фургон, пробралась к захламленному углу и начала как можно тише копать там, стараясь не разбудить уснувшую Итану. Наконец показался сундучок. Гадалка осторожно попыталась открыть его, но не смогла. Она принялась дергать крышку, поранила обо что-то палец и, вздрогнув от неожиданности, мазнула кровью по верху сундучка. В то же мгновение прозвучал едва слышный мелодичный звон, и крышка сама собой откинулась.

Еще не глядя внутрь, Найра уже знала, что там увидит. И не ошиблась. В сундучке лежала та самая пугающая ее до потери сознания книга. Драгоценные камни по углам светились призрачным светом, казалось, самим своим присутствием этот манускрипт прогибает реальность и заставляет ее вибрировать от напряжения. Его не должно было быть в мире, но он был, и не просто был, а изменял этот самый мир под себя, превращая его в нечто непонятное и страшное.

– Святые боги... – простонала гадалка, ее руки тряслись. – Что же делать?..

«Матушка Лагута, ну за что же ты с ученицей так? – билось у нее в голове. – Что я тебе плохого сделала?! Всегда же слушалась и почитала... Что мне теперь делать?.. Меня же эта книга погубит...»

Немного подумав, Найра приняла решение. Она продаст проклятую книгу! Вон, какая она богатая на вид, одни драгоценные камни чего стоят. А им в театре деньги ой как нужны. После этого гадалка успокоилась, закрыла сундучок, снова забросала его хламом и со спокойной душой легла спать.

* * *

Ферул, сын Готаха, герцог Лэрский, отпил еще глоток вина из серебряного кубка и закинул ноги на стол. Они гудели – набегался за день так, что никаких сил нет. Все самому делать приходится. Каждая сволочь так и норовит облапошить владельца, так и стремится положить что-то в свой кошель, минуя герцогский. Проверять нужно каждого, вот сегодня обнаружил недостачу на продуктовых складах, причем большую недостачу. Пришлось воров повесить, а на него теперь

снова будут пальцами показывать и бухтеть: «Тиран!». А как с ними еще обходиться?! Неужто нельзя без воровства? Достаточно же платит скотам, даже более, чем достаточно.

Мрачно выругавшись, герцог залпом допил вино и налил себе еще. Как же все это надоело! Особенно раздражали владельца слухи о том, что он вымаривает жен, уже седьмая скоро богам душу отдаст, слегла, как и все предыдущие. Что это? Почему?! Ферул же вокруг них, как влюбленный мальчишка вился, любые капризы исполнял, а они худели, бледнели и умирали. Он давно подозревал, что какая-то сволочь его жен травит. Но кто это может быть? Причем все вокруг уверены, что это он виноват, что это он их уморил! Недобрая молва бесила герцога невероятно, он срывался и мог приказать повесить или еще как-то наказать наглеца, осмелившегося сказать что-либо по поводу его умерших жен. Вспомнив придворного менестреля, которому в припадке ярости велел перерезать сухожилия на руках, герцог скрипнул зубами. Теперь-то понимает, что плохо поступил с Иралианом, а тогда взъярился настолько, что глаза красная пелена застила. Стыдно вспоминать. Усилием воли он заставил себя перестать думать о музыканте.

Хорошо хоть вторая жена успела родить Ферулу наследника, а то бы пришлось передавать престол племяннику, которого он терпеть не мог. «А ведь сына тоже могут отравить!» – дошло до герцога, и он закусил губу. Что же делать? Как определить подонка, который во всем этом виноват? С придворным чародеем советоваться бесполезно, Ферул не раз высказывал мэтру Тирхану свои подозрения, но тот всегда пытался успокоить встревоженного владельца, говоря, что ничего подобного, герцогини умирали от естественных причин, никто их не травил. А не он ли виновник? Но зачем это старику? Ведь во всем на первом месте стоит выгода, а кому выгодно уморить семерых жен герцога? Какая именно в этом выгода? Он ведь брал в жены девушек из разных сословий, не только владетельских кровей, даже обычных горожанок. Не помогало – три года, и новая могила на дворцовом кладбище.

Что же делать? Ферул встал и прошелся по комнате, постоял у окна, посмотрел сверху на двор и копошащихся на нем слуг, перевел взгляд на виселицу в левом углу, где покачивались под легким ветерком тела пойманных сегодня воров с продуктового склада. То-то слуги так бегают, косясь на них. Носятся, будто им жгучим перцем кое-где посыпали.

В дверь раздался стук. Ферул приподнял бровь – кто это же осмелился прервать его отдых? Видимо, что-то серьезное случилось. Иначе его не рискнули бы побеспокоить, зная, что не отличающийся легким нравом владетель может и мечом приласкать наглеца.

– Войдите! – злобно каркнул герцог.

Дверь распахнулась в комнату вошел Ниркат, сын Онга, барон Тилесский, глава Тайной стражи, очень полезный и очень опасный человек, которому Ферул не слишком доверял, но признавал, что другого такого профессионала не найти, поэтому терпел его нелюбезные порой высказывания.

– Мой господин! – поклонился Ниркат. – Срочные и важные известия. Прошу прощения, если они покажутся вам незначительными, но мое мнение, что такими предупреждениями пренебрегать нельзя.

– Садись, наливай себе вина и докладывай, – буркнул Ферул, настроение которого сползло совсем уж низко.

– Мы получили письмо-предупреждение о скором нашествии тварей со стороны гор и их прорыве в Лэр, если не примем никаких мер, – голос главы тайной стражи казался скрежетом гвоздя по стеклу и вызывал головную боль. – Увидевшая это у трансе гадалка сообщает, что тварей уже в городе остановят чародеи, но две трети населения будут потеряны. Считаю, что позволить тварям прорваться внутрь стен мы не вправе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Птица Рат – помесь попугая с павлином. Очень криклива, имеет яркое, многоцветное оперение. По поверью считается символом роскоши. (Прим. автора).

2

Даргал – живший в предыдущую эпоху жрец Шиннаны, подчинивший себе тварей Мертвого леса и развязавший Первую войну чародеев. Он пришел из другого мира через разлом, оставшийся после ухода Танана и Падальщика из Дэлоуэ. Его именем ругаются, как на Земле именем черта, слишком жуткую память он по себе оставил. (Прим. автора).

3

Каливр – кентавр. Каливры бывают разных видов – люди-лошади, люди-волки, люди-леопарды, люди змеи и много еще кто. (Прим. автора).

Купить: https://tellnovel.me/ru/el-terrus_ia/tancuyuschiy-bog

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)